

Георгий Старков

Тихий Холм

Постскриптум

(повесть на основе видеоигры Silent Hill 3)

2006 г.

*Всем прошлым, настоящим и грядущим
фанатам Хизер, с верой в будущее героини*

часть первая

ЗАТМЕНИЕ

Глава 1

Она проснулась в самый глухой час ночи, когда цветы сокрывают кроны от синих лучей месяца, и тёмное небо прорезают вороватые метеоры. Проснулась вроде бы ни из-за чего... но её наполняло жуткое, пробирающее до костей ощущение, ощущение чего-то непоправимого. Сердце гулко колотилось, вызывая боль в ушах. Подоконник серебрился голубоватым светом. Горшочек с астрой то исчезал, то появлялся вновь в этом неверном свечении.

Она взглянула на часы, унимая дрожь. Три часа. Подруги давно во власти Морфея, сладко посапывают носом. Звук их мерного дыхания немного успокоил её. Но на дне души всё равно остался липкий осадок. Утром она могла забыть о глупом ночном страхе, но вряд ли ей удастся так легко оттереть это чёрное пятно... Они накапливались, эти тягучие воспоминания, и с прожитыми днями вырастали в отравленные торфяные болота.

Она с надеждой посмотрела на телефон. Может, это он вырвал её из небытия, так напугав?.. А она спросонья пропустила звонок. Но аппарат молчал, глядя на неё пещерами дырочек.

Что тогда? Очередной кошмар – ожившие видения прошлого, не желающие оставлять её в покое?.. Обычно, когда ей снился плохой сон, она запоминала его – пусть только рваные обрывки целого, но запоминала. И на этот раз она была уверена: до пробуждения в сознании была только блаженная пустота, которая окончилась столь внезапно. И столь жутко.

Не найдя ответа, она попыталась просто отогнать прочь тревожные мысли и заснуть. Лежала с плотно сжатыми веками добрые полчаса, но разум оставался по-прежнему ясным и лихорадочно-горячим. Так не годилось. Она села на постели, стряхнула одеяло с ног. Прохлада приятно коснулась подушечек пальцев, когда она опустила ступни на пол.

Она подошла к окну. Почему-то с беспокойством, хотя знала, что за стеклом лишь привычный двор кампуса. Площадка спала, поигрывая с шаловливым лунным светом. Ветра не было; флаг с гербом колледжа безвольно поник на шесте. Мотоциклы и машины дремали на парковочной зоне. Тихо, безлюдно. Стояла жаркая сентябрьская ночь, одна из последних жарких ночей в этом году.

Луна.

Идеально круглое и непостижимо далёкое, светило возвышалось над кампусом, как небесный глаз. Даже самые яркие звёзды тонули в его матовом сиянии. Луна располагалась прямо напротив её окна, словно кто-то выверил угол до каждого дюйма. Она улыбнулась ей, своей подруге по ночному бодрствованию.

Идиллия, простирающаяся перед глазами, успокаивала взбудораженную кровь. Странное чувство горечи вскоре ушло, оставив после себя недоумение и немного – злость на себя. Маятник мироздания, вновь качнувшийся было к безумию, вернулся на место. Но Шерил всё равно простояла у окна довольно долго.

Глава 2

Бравурные аккорды взорвали спящий разум изнутри, разметав сон на мелкие осколки. Шерил предприняла попытку сопротивления – ушла с головой под одеяло, отлично понимая, что через секунду злополучную тряпку с неё просто стащат. Так и вышло.

– Эй, засоня! – звонкий девичий смех и удар подушкой по голове. – Ранние пташки скоро спать будут ложиться!

– Отвяжись, – беззлобно огрызнулась Шерил, приподнимаясь на кровати. – И ради Бога, выключи этот трезвон. Который час?

Щелчок. Громоподобный джаз, изливающийся из динамиков магнитолы, смолк, и в комнате сразу стало уютно и спокойно. Лишь тихо журчала вода в ванной.

– Восемь пятнадцать, – Кэрол, оказывается, уже успела одеться и накраситься. Шерил всегда удивляло молниеносное быстрое действие подруги, так контрастирующее с ней самой. Люди, знающие их, подшучивали, что обе они прекрасно дополняют друг друга. Для полного счастья не хватало только некоей «золотой середины», связующего звена, которое располагалось бы между ними. И оно, конечно, нашлось – в лице Роуз.

«Золотая середина», как понимала Шерил, сейчас принимала душ в ванной комнате. Она потянулась и встала. Окно распахнуто настежь, и пол безжалостно залит солнечной лужей.

– Увидимся на занятиях, – решив, что миссия выполнена, Кэрол пошла к выходу. Шерил с недоумением посмотрела на её спину в голубом топике:

– Минутку... Куда ты так спешишь? Рано ещё...

– На утреннее свидание за чашкой кофе, – фыркнула она, тряхнув золотистыми локонами.

– А всё-таки?

– Нужно получить из библиотеки кое-какие книжки.

– А... Понятно. Ну тогда пока.

Хлопнула дверь. В ожидании, пока третья сожительница выйдет из ванной, Шерил принялась стелить кровать. Почему-то немножко побаливала голова. Она вспомнила своё ночное randevu – тёмное, осклизлое чувство случившейся беды. Такое не бывает просто так... Может, она опять схватила грипп? Зимой Шерил полтора месяца провалялась в лазарете, поверженная жесточайшей атакой болезни. А началось всё тоже с безобидного кружения в голове.

– Доброе утро, Шерил.

Роуз вышла из ванной, обернутая в белое махровое полотенце с едва видимыми розовыми полосками. Она прошла мимо неё, окатив душистым ароматом шампуня, на ходу полируя ногти.

– Роуз, – Шерил придвинулась к ней, – посмотри-ка, у меня нет температуры?

– Что? – она испуганно вскинула взгляд. – Опять болит?

– Я не уверена, но...

Роуз пощупала её лоб и облегчённо рассмеялась:

– Да всё в порядке. По сравнению с твоим лбом моя ладонь горит огнём.

– Значит, хорошо, – Шерил кивнула и зашла в ванную. Температуры нет, значит, не о чем беспокоиться. Время оклематься, отбросить ночные переживания и – вперёд, на занятия. Начало учебного года, ей не хотелось бы с самого начала взять плохой темп.

Солнечное утро, думала она, становясь под душ. Занятия, прогулки по кампусу... С Колином, опять же, обещала сегодня сходить в кино. Жизнь хороша, Шерил.

Но что-то не ладилось. Вода из крана шла то слишком горячая, то до дрожи холодная. Шерил крутила кран, но не могла достичь требуемого. Едва только начинало казаться, что идеал достигнут, как опять начинали нещадно стучать зубы. Словно злой дух, сидящий в трубе, подкручивал вентили, чтобы насолить ей.

В-общем, когда Шерил выбралась из ванной, настроение не улучшилось ни на каплю. Роуз сидела на кухне, попивала апельсиновый сок и без интереса читала вчерашнюю газету. Стрелки часов показывали без двадцати девять. Да что это такое? Неужели она мылась целых полчаса? Шерил нахмурилась. Она и раньше замечала за собой некоторую медлительность, но не до такой же степени! Этим утром она била собственные рекорды.

А всему виной – проклятое ночное беспокойство. По крайней мере, иных причин она не видела.

– Будешь завтракать, Шерил?

– Конечно. Ты идёшь, или подождёшь меня?

– Ну если справишься до пяти минут девятого, – Роуз взглянула на запястье, где тикали золочёные часики, – то можно и вместе прогуляться. В такое утро не пристало одной шататься.

– Оно и верно, – согласилась Шерил, застёгивая пуговицы на блузке. – Хороший денёк выдастся, я думаю.

– Есть планы?

Шерил прошла на кухню, села за стол, налила себе вишнёвый сок.

– Да так. В кино с Колином, на вечерний сеанс. Строго наказала, чтобы на этот раз был не ужастик. В прошлый раз меня едва не вырвало от этой гадости.

– Да уж, все парни думают, что девчонки без ума от вида крови и ошметков. Эдди меня тоже давеча пытался затащить на какое-то мясное рубилово...

– Роуз, умоляю, – Шерил сделала страдальческое лицо. – Я пытаюсь есть.

– Извини. Ну а что после?

Шерил остановилась, не дожевав краешек тоста.

– Что – после?

– Собираешься после сеанса ещё куда-нибудь пойти? К нему домой, например. А может, сведёшь сюда и познакомишь с нами? Хочется узнать поближе, что это за фрукт такой – «Выбор Шерил Мейсон».

Она задумалась.

– Не знаю, Роуз. Честно говоря...

– Какое по счёту свидание?

– Шестое, – Шерил поморщилась. – Нет, седьмое...

– Тебе он нравится?

– Пожалуй, что да.

Роуз щелкнула пальцами:

– Тогда уже пора. Ну ты понимаешь...

– Наверное, – задумчиво сказала Шерил, вытирая рот салфеткой. Хотя время ещё оставалось, есть почему-то расхотелось.

– Дальше некоторой черты отношения без секса развиваться уже не могут.

– Знаю, знаю, – она раздражённо отмахнулась. – Что ты меня жить учишь, как маленькую? Всё зависит от него самого. Осмелится предложить – пойду к нему. А нет, так и суда нет.

– Правильно, – Роуз одарила её фирменной, задиристой и нахальной, улыбкой. Она считала это умение одним из залогов своего успеха. – Надо же чем-то дополнять университетское образование, а?

– Стопроцентно, – Шерил взглянула на электронные часы на холодильнике и встрепенулась. – Чёрт, мы опаздываем. Я уже закончила.

Пока Роуз ушла в комнату за сумочкой, она подошла к окну. Синее небо, дружный смех, и флаг гордо реет на ветру, напоминая всем, что они полноправные студенты колледжа Святой Ренаты. Солнце только поднималось, набирая силу. Шерил посмотрела на него, и вдруг ей стало невыносимо тоскливо оттого, что вскоре светилу суждено скрыться за неумолимой чёрной тенью.

Глава 3

Занятий сегодня было немного. Уже к трём пополудни Шерил вышла из сводов учебного корпуса. День был в разгаре, не менее жаркий и наполненный светом, чем его начало. Кто-то припарковал прямо у лестницы фургончик и врубил во всю мощь танцевальную музыку. Несколько чернокожих молодых людей решили устроить дискотеку прямо здесь, довольно ловко подхватывая ритм. Одного из них Шерил знала, он учился в параллельной с ней группе. Администрация не приветствовала подобное среди бела дня, и наверняка скоро шалунов разгонят во все стороны. Пока этого не случилось, Шерил немного постояла у лестницы, полюбовалась танцами. Один из парней поймал её взгляд, приветливо взмахнул рукой и удвоил усилия. Она улыбнулась в ответ.

Ну всё, теперь – свобода на целый день. Домашних заданий мало, можно и вовсе отодвинуть на завтра или послезавтра. Вечер в своё удовольствие. Такое в колледже выдавалось редко и только в начале осени, пока преподаватели не вошли в раж. Шерил намеревалась использовать этот шанс в полную меру.

Не успела она пройти по аллее сотню ярдов, как сзади послышался топот бегущих ног. Она развернулась, отлично зная, кто её настигает.

– Уф, поймал-таки, – Колин сиял, как зажжённая рождественская гирлянда. Это был высокий темноволосый парень, главным отличием которого была, пожалуй, подчёркнуто небрежная одежда. Многие считали привычку дурной и безвкусной, но Шерил нравилось. Не то чтобы она сама носила что попало, но ей не симпатизировали капризные изыски моды.

Вот и сейчас – потёртые на коленях джинсы, простой тёмно-синий свитер. Колин победно взмахнул перед носом Шерил зажатými в ладони клочками бумаги:

– Глянь-ка. Лучшие места в зале! Полчаса в очереди простоял.

– Привет, Колин, – спокойно сказала Шерил. Он на мгновение уставился на неё, потом рассмеялся:

– Добрый день, мисс Мейсон. Как всегда, неотразимы.

– Так что за погибель ты уготовил мне на сей раз? – она взяла согнутые пополам билеты и с любопытством развернула. Зелёными буквами на белой бумаге было отпечатано: *Путь на Вавилон. Приключенческий фильм.* Вглядевшись в номер ряда, Шерил усмехнулась:

– Ну конечно. Решил сцапать в заднем ряду?

– Почему бы и нет? – Колин казался совершенно серьёзным.

– Знаешь, Колин, я решила не ходить. Во-первых (она ткнула пальцем в номер 13), это несчастливое число. Во-вторых, тебе никто не говорил, что ты похож на маньяка, который мечтает в тёмном углу сделать с маленькой девочкой страшную вещь?

Он мгновенно подобрался, кровь отхлынула со щёк:

– Да ладно тебе, Шерил. Какие проблемы. Ты ведь шутишь, да? Ты ведь идёшь?..

– Конечно, иду, глупый, – она приподнялась на цыпочки и поцеловала его. – Тебя так легко напугать.

На несколько секунд они прильнули губами друг к другу, не замечая прохожих, которые старательно обходили их стороной, чтобы ненароком не растревожить. Потом Колин отпустил её и шумно выдохнул:

– М-да, я уж грешным делом подумал... Ладно, засчитаем один – ноль в твою пользу.

– Скоро будет два – ноль, – мстительно пообещала Шерил.

– Смотри, я поквитаюсь. Напугаю тебя до чертиков.

– Ну это вряд ли.

Прекратив привычный обмен безобидными шпильками, они взялись за руки и пошли к общежитиям. Солнце палило нещадно, словно надеясь таким образом удержать свою увядающую власть. Но осень всё равно пробивалась в воздухе, и её нельзя было смыть, вывести. Наблюдая за рваным белым облаком у горизонта, Шерил думала о том, стоит ли намекнуть Колину, что свидание на сей раз будет с продолжением. Пришла к мнению, что не стоит. Пусть это будет сюрпризом. Вот тогда она точно сможет приписать себе два очка.

– ... хотел предложить...

– А? – в раздумьях она совершенно перестала слушать. Минуту назад Колин жаловался на строгого преподавателя математики, который грозил поставить ему F, но теперь, судя по посерьёзневшему лицу, речь зашла о чём-то более важном.

– Ты не слушаешь? – он соорил обиженную физиономию.

– Извини, Колин. Задумалась. Так о чём ты там болтал?

– Я говорил о дне затмения. Где ты планируешь его провести?

Ох, опять это пресловутое затмение! Шерил мысленно скривилась. С тех пор, как метеорологи объявили точную дату затмения, все в кампусе ну просто как с ума сошли на этой почве. *Редчайшая возможность! Полное солнечное затмение! Вы и не подозреваете, НАСКОЛЬКО вам повезло!* И так далее, в таком же духе. Все свидания, пикники, поездки за город назначались именно в день, когда солнце должно было скрыться за тенью Луны. Ходили даже слухи, что администрация подумывает об отмене послеобеденных занятий в этот

знаменательный день. Вот и Колин решил не отставать от повального сумасшествия.

Ей самой надвигающаяся темнота никакого удовольствия не приносила. Более того – мысль, что посреди дня она лишится возможности видеть солнце, пугала. Да-да, именно пугала. Мигом оживали забытые было воспоминания – о протяжном вое сирены, который раздавался где-то там, за чертой реальности, о темноте, которая наступала тебя, где бы ты ни была... какое бы время ни показывали стрелки часов.

Но как это объяснить Колину? Особенно когда он с таким восторгом говорит...

– Я бывал на этой горе пару раз. Место – просто рай. Леса, свежий воздух... Такой вид открывается! Самое то для наблюдения за солнцем.

– И ты хочешь меня туда пригласить, – механически произнесла Шерил. Она всё ещё лихорадочно размышляла. Была бы её воля, она бы заперлась в час затмения у себя в комнате, зажгла все лампы и ждала, уткнувшись в подушку, когда всё кончится и солнце вновь засияет во всей красе.

– Точно, Шерил. Если, конечно, у тебя нет других планов...

Планов не было. Но...

– Колин, давай поговорим об этом позже, ага? До затмения ещё неделя. Может, появятся какие-нибудь неотложные дела. Ты же знаешь, как это бывает.

– Конечно, – с лёгкостью согласился Колин. Он понял неопределённый ответ по-своему. – Но если ничего не будет, обещаю, что пойдёшь, хорошо?

Шерил так и видела в его загоревшихся глазах эту картину: он и она в укромном зелёном уголке, на обрыве скалы. Внизу – деревья, деревья и ещё раз деревья. Густая бахрома, пересечённая линиями дорог, покачивается под порывами ветра, пуская живые волны. Вверху – ясное небо, далёкие перистые облака и солнце, которое покорно ждёт своей участи.

Действительно... рай. Эх, если бы не никому не нужные воспоминания...

Шерил игриво щелкнула пальцем трепетно ждущему Колину по носу и улыбнулась:

– Обещаю.

И опять, как давеча – сказала, но не была уверена.

Но всё-таки Шерил вернулась в общежитие в хорошем расположении духа. День был слишком хорошим, чтобы портить его призрачными страхами. С ними, как она давно поняла, ничего не поделаешь. Затмение далеко, а сегодня вечером её с Колином ждёт прохладный сумрак кинотеатра. Их ждёт путь на Вавилон. А потом, если всё пойдёт хорошо, пусть на *совсем другой* Вавилон. Она взбежала на четвёртый этаж, перепрыгивая через ступеньки. В коридоре было пусто, в солнечных лучах плясали мириады пылинок. Шерил прошла в свою комнату, уверенная, что подруги ещё не вернулись. И ошиблась.

– Ого, заявила миленькая, – Кэрол, как всегда, в превосходном настроении, на кровати, слушает в наушниках музыку. Впрочем, по случаю прихода Шерил она сняла их. – Роуз не видно?

– Нет, вроде бы, – скинув сумочку, Шерил с удовольствием последовала заразительному примеру. Иными словами, кулем свалилась в постель. – Жаркая погодка.

– Пообедаешь?

– Перекусила в столовой, – она с блаженством закрыла глаза. – Ужинать, наверное, тоже буду не здесь. У меня назначен кинотеатр в шесть вечера.

Роуз бы непременно поинтересовалась: как прошёл разговор? к чему пришли? что за фильм? Иногда это порядком раздражало, но сейчас Шерил хотелось выговориться по душам. Кэрол была не слишком подходящей компанией для этой цели. Услышав про кинотеатр, она лишь коротко кивнула.

– Кстати, – небрежно сказала она, – тут тебе звонили полчаса назад. Звонок межштатный, судя по сигналу.

Межштатный? Шерил знала только одного человека, который жил за пределами Мэна и знал её номер в кампусе. Меньше всего ей хотелось бы дискутировать по телефону с ним в этот приятный во всех отношениях день.

– И что ты ответила?

– Чтобы звонили попозже. Так что жди звонка.

– Это был Дуглас? – Шерил спросила чисто риторически. Конечно, Дуглас, кто ещё. Очередной «контрольный» звонок. Непонятно только, почему Дуглас решил позвонить посреди бела дня, отлично зная, что она на занятиях.

Но Кэрол её удивила.

– Нет, – сказала она, – я сама удивилась, но звонил не этот старый хрыч. Голос слишком молодой...

– Сколько раз я просила не называть его так! – взорвалась Шерил. Кэрол, конечно, состроила виноватую мину – мол, извини, вырвалось. Но она, наверное, продолжала бы обзывать старого детектива даже под страхом смертной казни. Не понравился он ей с первого же взгляда, а если кто-то не понравился Кэрол, то это был приговор.

– Прости, Шерил. Я как раз слушала музыку, и была раздражена...

– Ладно, забыли. Говоришь, не Дуглас? Это точно?

– Совершенно. Ты думаешь, я не могу отличить молодой голос от старого?

Шерил так не думала, поэтому предпочла молчать. Кто-то ей звонил – кто-то, кого она не знает. Беспокоиться вроде бы не о чем, но в душе крамольно зашевелился червячок тревоги. Она могла расспросить Кэрол подробнее, каким был голос, что он сказал дословно, но проку от этого было мало. Лучше просто подождать, пока этот Таинственный Незнакомец Вне Штата перезвонит и развеет её страхи. Кажется, судьба у неё такая – всю жизнь бояться чего надо и чего не надо.

Как в плохих фильмах ужасов, тут же зазвонил телефон на тумбочке. Шерил панически взглянула на подругу. Та пожала плечами, натягивая наушники снова.

Давай, девочка, вперёд.

Шерил взяла трубку.

– Алло?

Далёкий свист, потом двойной щелчок. Коммутатор соединял линии штатов. Теперь у неё не осталось сомнений.

– Я вас слушаю...

– Добрый день, – отозвалась мембрана незнакомым мужским голосом. – Можно поговорить с мисс... э-э... Шерил Мейсон?

Ей не понравилось, как он выговорил её имя – искусственно, по слогам, будто читает с бумажки. Может быть, так оно и было.

– Да, это я.

– С вами говорит агент юридической конторы «Приндл и Энос» Барри Ратклифф, калифорнийский отдел, – вот теперь без заминки, текст выучен наизусть сто лет назад.

– Да, – осторожно ответила она. Мысли зацепились за последние слова: *калифорнийский отдел*. Значит, всё-таки Дуглас?..

– Извините за беспокойство. Я звоню в связи с мистером... – опять эта невозможная пауза, – Дугласом Картландом.

Шерил не нашла ничего лучше, как снова сказать:

– Да?

Трубка помедлила, словно подбирая верное выражение:

– М-м... боюсь, я должен сообщить вам плохое известие.

Шерил растерянно посмотрела на Кэрол, которая весело пошевелила пальчиками, лёжа на кровати. Воздух в комнате стал спёртым и тяжёлым, тиканье настенных часов усилилось до предела. *Вот так всё и меняется*, подумала она. *С ног – и на голову*. А вслух торопливо спросила:

– Что-то с Дугласом?.. Он заболел?

– Не совсем, – Ратклифф за многие тысячи миль от неё учтиво понизил голос.

– Мистер Картланд скончался вчера ночью. Примите мои соболезнования.

Глава 4

– Имя?

– Шерил.

– Второе имя, если есть?

– Нет.

– Фамилия?

– Мейсон...

Нотариус задавал вопросы, выдерживая чёткие секундные паузы. От сонного голоса веки так и норовили слиться. Если бы не издевательски жизнерадостная физиономия Барри Ратклиффа рядом с нотариусом, Шерил давно бы задремала.

– Город и штат проживания в настоящее время?

– Эшфилд, Массачусетс.

Как всё изменилось!.. И как быстро – точно омут, затягивающий с головой в мгновение ока. Чуть больше суток назад она была на восточном побережье, предвкушала вечернее свидание (всё-таки, шестое или седьмое?) и радовалась солнечному небу. А теперь за окном плещутся волны Тихого океана, а солнце сменила густая пелена дождя. Злая ирония – Солнечный штат оборотился к приезду Шерил страной грязных луж и серых теней. Даже здесь, в надраенном до блеска офисе, чувствовался дух сырости, давящий на плечи. Хотя, может, это чувствовала только она.

– Род занятий?

– Студентка. Колледж Святой Ренаты, факультет...

– Нет, это лишнее. Благодарю.

Походило на допрос. В сущности, это и был допрос. Если она хочет всей душой убраться подальше, а ей не дают, как иначе это называть?

Сумасшедший круговорот. После того, как она положила трубку, события слились в одно размазанное пятно. Ратклифф говорил, что, в принципе, нет нужды, чтобы она приезжала в Калифорнию – региональный агент всё сделает. Шерил сказала, что нет, она всё-таки прилетит. И поинтересовалась, когда будут похороны. Ратклифф заглянул в записи и сказал – через два дня. Всё уже организовано, оплачено и оговорено самим Дугласом в завещании. В том числе агентство забронировало для Шерил билет бизнес-класса на ближайший (то есть

вечерний) рейс в Лос-Анджелес. Если она не против... Нет, сказала она. Не против.

– Номер социального страхования?

Она назвала номер. Пожалуй, единственное длинное число, столь надёжно хранимое в памяти.

– Ваше прежнее имя?

Шерил непонимающе взглянула сначала на нотариуса, потом на Ратклиффа:

– Какое это имеет отношение к делу? И вообще, что за вопросы? Ведь я уже показала документы...

– Стандартная процедура, мэм, – отозвался нотариус тем же невозмутимым тоном. – Прежнее имя требуется потому, что мистер Картланд особо оговорил этот пункт завещания. В тексте фигурируют две имени. Насколько мы поняли, вы сменили имя два года назад, и просто нужно убедиться, что...

– Ладно, – сдалась она. – Хизер. Меня звали Хизер.

Сейчас они спросят, с чего мне взбрело в голову менять имя.

Она поняла, почему Дуглас написал завещание как для Шерил, так и для Хизер: на случай, если она тайком вернёт прежнее имя. Дугласу оно нравилось гораздо больше, чем нынешнее. Наверное, он питал надежды на то, что она когда-нибудь, да и вернётся к истокам. Зря надеялся. Хизер надёжно умерла. По крайней мере, ей так казалось.

Нотариус опять уткнулся в свой список с длинным перечнем вопросов:

– Имена, вторые имена и фамилии родителей...

Колин отнёсся к отъезду с пониманием, хотя было видно, что он огорчён. До вчерашнего дня он и слыхом не слыхивал о пожилом детективе из Города Ангелов, но был достаточно тактичен, чтобы не поинтересоваться, а как он, собственно, связан со студенткой колледжа на другом конце материка. Шерил пообещала Колину возобновить свидание сразу, как только она...

– ... как только смогу, – сказала она. Другого слова не нашлось. Другого слова не было до сих пор.

Колин приобнял её за плечо:

– Хорошо, Шерил. Я буду тебя ждать.

На том и расстались. Он ушёл к себе домой (Колин жил за пределами кампуса), а Шерил вернулась в колледж выпрашивать разрешение на пропуск занятий. Разрешение выдали без лишней волокиты. Впрочем, старая гримза, ставящая печать, вяло заинтересовалась, кем ей приходится умерший.

– Отчим, – ответила Шерил без запинки. Слава Богу, хоть на это документов не потребовали.

После сведений о родителях нотариус задал ещё несколько простых вопросов вроде социального положения (не замужем), места рождения (Портленд) и так далее. Когда он внезапно положил лист на стол и замолк, Шерил испытала нечто, очень похожее на растерянность. Она-то полагала, из этой западни меньше чем за три часа не выпутаться.

– Спасибо, – нотариус покосился на Ратклиффа, на которого не действовали ни дождь, ни тесные стены, ни мышинный голос соседа.

Эстафетная палочка переходит к неотразимому Барри Ратклиффу, подумала Шерил.

– Благодарю вас, мистер Стовингтон, – Ратклифф открыл синюю папку-файл, лежащую перед ним с начала разговора. Именно он уговорил Шерил закончить со всеми формальностями сегодня. Ей не хотелось заниматься этим до похорон – претила мысль, что она будет победно присваивать имущество Дугласа, пока тот ещё лежит у себя на кровати. Но Ратклифф был очень убедителен, как и проливной дождь, давящий на голову, и Шерил согласилась. Заманивала перспектива улететь из незнакомого города как можно быстрее. Лишний день тут проторчать – жизнь укорачивать на целый год.

– Итак, мисс Мейсон, формальности соблюдены, и мы можем вскрыть основную часть завещания, которая касается вас...

– Да-да, – нетерпеливо сказала она, почувствовав угрозу ещё одного часового монолога. Ратклифф, похоже, понял её. Во всяком случае, не стал растекаться мыслью по древу, а взял ножницы с синей рукояткой и извлёк из папки тонкий жёлтый конверт, испещрённый надписями красным цветом. *Секретно* –

Конфиденциально – Вскрыть только в случае... Больше Шерил не успела ничего прочитать: Ратклифф перевернул конверт, демонстрируя ей неприкосновенность сургуча, и отработанным жестом срезал верхнюю часть. Когда он потряхнул конверт, из него выпала небольшая белая бумажка. Шерил наблюдала за действием, как ребёнок смотрит на фокусника.

Ратклифф развернул лист, вопросительно посмотрел на неё. Она кивнула – валяйте, читайте.

– Мисс Мейсон, прочитать завещание дословно или изложить основную суть?

– Покороче, если можно, – нервно отозвалась она. Всё-таки зря она поддалась на увещевания агента... Дискомфорт рос, заставляя ёрзать на кресле. Чёрт возьми, она ощущала себя разграбительницей могил. Как это глупо...

Ратклифф пробежался взглядом по обширному тексту:

– Так... минутку... Да, согласно этому завещанию, мисс Шерил Мейсон в случае смерти составителя отходит... м-м... квартира мистера Картланда в Лос-Анджелесе со всей мебелировкой, автомобиль... да, и сорок пять тысяч долларов на банковском счету. Счёт будет переоформлен на ваше имя. Это всё.

И что, интересно, я должна чувствовать?

– Вот, взгляните сами...

Шерил машинально взглянула на подсунутый ей листок, но не увидела ничего. На белоснежной поверхности были разбросаны буквы и цифры. Пустая форма без содержимого – она не могла даже прочитать их. Впрочем, если верить Ратклиффу, содержимое в этих вороньих закорючках всё-таки было. В них было всё то, что осталось после Дугласа Картланда.

Она с трудом подняла глаза на агента по ту сторону стола, с ещё большим трудом улыбнулась:

– Спасибо. Я вам очень признательна.

Их лица – нотариуса и Ратклиффа – упрямо заслоняла пелена непрошенных слёз под веками.

Глава 5

Синоптики обещали прояснение, но наутро небо по-прежнему взирало на город громадами туч. Накрапывал мелкий дождь, поэтому гроб несли закрытым, закрытым же положили рядом со свежевыкопанной могилой. Красный атлас смотрелся приторно-ярким на фоне пожухшей кладбищенской зелени. На крышке гроба осели овальные капли дождя.

– Мы собрались сегодня здесь, чтобы проводить в последний путь нашего друга и раба Божьего, Дугласа Картланда...

Шерил стояла в переднем ряду, наблюдая за церемонией через фильтр чёрной вуали на лице. Слова священника доносились гулко – если уж на то пошло, в её ушах дождь шумел гораздо сильнее. Людей было мало, но они были. Это обнадеживало. Она-то боялась, как бы вообще не оказаться единственной рядом с могилой Дугласа.

– Он прожил достойную жизнь, стойко перенося все тяготы жизни, выпавшие на его долю...

Всё время, что она провела в Лос-Анджелесе, Шерил не давало покоя ощущение, что она смотрит на работу хорошо отлаженного механизма, будучи не в силах что-то изменить. Дуглас хорошо позаботился обо всём, что произойдёт после его кончины. Слишком хорошо. Его смерть дала начальный толчок неторопливой суете, начисто исключаящей её присутствие, её чувства. Куда бы она ни пошла, что бы ни пыталась сделать для покойного, везде всё готово, везде вежливые улыбки: «Извините, мэм, оплачено и сделано. Не беспокойтесь». Дошло до того, что Шерил попытались не впустить к Дугласу. Но эту-то преграду она преодолела... Не мытьем, так катаньем.

– ... и если спросят меня, когда я буду пролетать над долиной звёздной тени...

Она украдкой оглядела присутствующих, прикрываясь полами зонта. Рядом с ней, слева, стояла женщина в длинном чёрном платье и в тёмных очках. Интересно, кем она приходится Дугласу? Дальняя родственница? Бывшая возлюбленная?.. Справа группа из трёх немолодых людей сосредоточенно молчала, вслушиваясь в слова священника. И там, сзади, ещё несколько

человек... Всего чуть больше десятка. Наверняка все знают Дугласа только по работе. Было в этом что-то удручающее. Нет слёз горечи и потери, только эта тщательно выстроенная грусть. Ни любимой жены, ни скорбящих детей...

Не стоит так думать. Ведь есть же ты...

Священник закончил читать псалтырь и сошёл с трибуны. Люди зашептались. Шерил поняла – если кто-то хочет сказать тёплые слова о покойном, то пришло время. Она оказалась не подготовлена к этому. Что она скажет? Как можно выразить всё, что она чувствует, этой кучке совершенно незнакомых людей?.. Представиться внебрачной дочкой детектива?

Её спас лысеющий мужчина в чёрном костюме старомодного покроя. Когда пауза начала затягиваться, доходя до статуса «неловкой», он решительно выступил вперёд и встал за трибуну. Все выдохнули в порыве облегчения.

– Я знал Дугласа по работе, – сказал мужчина. Дождь усилился, капли глухо стучали по крышке гроба. – Десять лет назад мы работали в одной детективной конторе. Потом он ушёл в частное дело, но времени, что мы были коллегами, хватило, чтобы я мог сейчас заявить: он был настоящим профессионалом, и в то же время настоящим человеком. В нашем деле... понимаете, есть грань, по ту сторону которой личность отходит на задний план, освобождая место профессионализму. Некоторые считают, что это хорошо. Дуглас так не думал. Он всегда знал меру, когда... Он говорил, что выбрал профессию, чтобы помогать людям. И в каждом порученном ему деле руководствовался этим принципом.

Люди слушали. Шерил склонила голову, посмотрела на быстро мокнувший атлас.

– Наверное, поэтому мы и дружили все десять лет. Мы его не забыли, он – нас... Находили время, чтобы раз или два в год встретиться, вместе посидеть в баре. Он менялся, да. Но внутри оставался тем же. Оставался человеком.

Поколебавшись пару секунд, мужчина спустился вниз. Присутствующие одобрительно кивнули – и снова ощутили растущее напряжение. *Кто теперь?*

Я выскажусь, решила Шерил. И уже хотела взойти на трибуну с гулко бьющимся сердцем, когда её опередила женщина слева. Она торопливо, словно

боясь что-то забыть, встала за трибуну и сняла чёрные очки, открыв серые глаза, обрамлённые сеткой морщин. Из-под пол шляпы выглядывали седые волосы.

– С мистером Картландом... – она запнулась. – С Дугласом... я виделась с ним лишь несколько раз, и то много лет назад. Но я обязана ему своей жизнью. Больше, чем жизнью, – губы дёрнулись вниз. – Я обязана ему своим мальчиком.

Она скрестила руки на груди и оглядела всех, задерживая взгляд на каждом.

– Мой сынок пропал без вести. Ушёл играть к друзьям... и не вернулся. Это было ужасно, даже сейчас тяжело вспоминать. Полиция не могла его найти, и через неделю я обратилась к мистеру Картланду. Он успокоил меня как мог, сказал, что сделает всё, находящееся в его силах... Но я не верила, что он вернёт мне моего мальчика. Это был скорее жест отчаяния, чем настоящая надежда... понимаете?

Шерил непроизвольно кивнула. То же самое сделали люди, зачарованно слушающие женщину.

– И знаете, через четыре дня он вернулся. С ним был мой мальчик, – женщина светло улыбнулась. – Мне казалось, что я попала в какую-то сказку. Он сказал, что Ральф... мой сынок... его похитил какой-то ублюдок, который продаёт детей этим...

– Мы понимаем, – сказал священник, успокаивающе положив ладонь ей на плечо.

– Но, к счастью, мистер Картланд успел раньше. Я не знаю, как ему это удалось, но мой мальчик до сих пор жив и здоров. Сейчас работает юристом в Нью-Йорке. Неделю назад у него был день рождения.

Пальцы сцепились. Женщина подняла голову к небу, обливающему людей холодными каплями.

– Всё это только благодаря мистеру Картланду... Дугласу. Я не могла не приехать сегодня. Думаю, как и все вы.

Она сошла с трибуны в полном молчании и заняла своё место рядом с Шерил.

У Дугласа всегда был дар отыскивать пропавших, подумала Шерил. Нет, всё-таки здесь не только я... они тоже знали Дугласа. И любили его. Вдруг ей стало

легко – спала тяжесть, которая давила на грудь всё утро. Она поняла, что ей нет никакой необходимости говорить длинные сбивчатые речи.

Священник встал у крышки гроба, достал из рясы книгу и снова стал читать. Заработала лебёдка – трос натянулся, гроб оторвался от газона. С поскрипыванием, качаясь из стороны в сторону, он завис над могилой. Шерил затаила дыхание. Она наблюдала, как гроб опускается всё ниже и ниже, и капли, осевшие на поверхности, раскидывает в стороны. Вспомнились слова Ратклиффа: *Обширный insult, в десять вечера. Он смотрел вечерние новости.* С поправкой на часовые пояса – время, когда она проснулась и внутри словно оборвалась натянутая струна. Она *знала*.

Лебёдка прекратила работу. Гроб плотно осел на глубине семи футов. Монотонная речь священника прервалась, остался лишь чёртов нескончаемый дождь. Позже придут могильщики и забросают гроб сырой землёй, установят могильную плиту, которая сейчас скромно стоит в сторонке. Но здесь и сейчас всё было кончено. В бескрайнем ряду кладбища добавилась ещё одна могила.

Женщина, снова надевшая чёрные очки, тихо спросила – до того тихо, что Шерил чуть не решила, что ей послышалось:

– Вам он тоже помог?

– Простите?

– Вы обращались к мистеру Картланду за помощью?

Она смотрела на Шерил очень внимательно, ждала ответа. Толпа понуро расходилась; над каждым раскрылся купол зонта.

– Да, – сказала Шерил. – Он помог мне...

Женщина кивнула:

– Наверное, он помогал десяткам людей, если не сотням. Жаль, что только мы и явились... Люди неблагодарны. Впрочем, – губы тронула сухая, язвительная усмешка, – как и весь мир.

Она сжала бескровные губы и взглянула ей прямо в лицо, прожигая тонкую ширму вуали. Словно Шерил, только она, была виновна в том, что Дуглас умер в одиночестве. Ей стало неуютно рядом с этой странной женщиной.

– Извините, мне нужно уходить...

– Конечно, – кивнула женщина, как ей показалось, с сарказмом. – Берегите себя.

– И вам того же...

Шерил направилась к решетчатой ограде. Надеялась, что женщина не идёт следом, но оглядываться не хотелось.

Люди неблагодарны. Впрочем, как и весь мир.

Прочь, прочь от этого невозможного города. Прочь от кипящих улиц, нагло контрастирующих с провинциальным умиротворением Эшфилда. Прочь от дождя, не прекращающегося ни на минуту. Шерил чувствовала, как задыхается в этом громадном вареве, где она была лишь крохотной горошинкой. Прочь...

У ограды она всё-таки обернулась – хотела напоследок посмотреть на могилу Дугласа. Но стройные ряды одинаково безликих плит уже скрыли от взора свежую горку прелой земли.

Глава 6

– Ни фиги себе! – Кэрол воззрилась на неё, словно увидела впервые. – Сорок пять тысяч! Значит, ты теперь богатая невестка, а?

– Кэрол! – Роуз ткнула сияющую подругу локтём в бок. Шерил устало улыбнулась. Перелёты измотали её, к тому же ей пришлось весь вечер корпеть над учебниками, чтобы наверстать упущенные занятия. Сил злиться на наивную бестактность Кэрол просто не оставалось. Она потянулась:

– Ты невозможна, Кэрол.

– Как там всё прошло? – спросила Роуз. – Ничего из ряда вон выходящего?

– Да нет. Я думала, что буду заниматься организацией похорон, а меня на расстояние пушечного выстрела не подпускали. Спасибо, что на сами похороны попала.

– Выглядишь усталой.

Шерил бросила взгляд на трюмо в углу:

– Ну да. Не на праздник всё-таки. К тому же этот ужасный дождь... Ненавижу Калифорнию.

– Это ты зря, Шерил, – Кэрол с упрёком качнула пальцем. – В хорошую погоду пляжи Калифорнии – рай на земле. Всё-таки съезди как-нибудь летом. Уверена, тебе понравится.

Шерил неопределённо кивнула и мысленно дала себе слово никогда, никогда больше не посещать западный берег. С неё хватило сполна.

– Ну а тут какие новости? Я что-то пропустила?

– Ой, да опять все про затмение и талдычат, – Роуз говорила раздражённо, но глаза прятали смех. – Обещают девяносто девять с половиной процентов. А если повезёт, то и вовсе полное. Все уже накупили дымчатых стекол.

– Как насчёт занятий? Я слышала, будто их собираются отменить...

Подруги многозначительно посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. Потом Роуз сказала:

– Ну да, какой-то умник подноровился спросить ректора, и знаешь, что получилось?

– Что? – Шерил уже знала ответ.

– Ни хрена. Ректор даже выступил по коммутатору с обращением, чтобы мы не страдали всякой ерундой.

– Жаль, – на самом-то деле Шерил было совсем не жаль. Учёба её не тяготила, а если занятия будут, то она по крайней мере будет не так остро ощущать нездоровое возбуждение, которое охватит окружающих в Тот Великий День. А ещё в голову пришла крамольная мысль: если дождь идёт в Городе Ангелов, с чего бы ему не пойти здесь, и как раз в тот день, когда должно состояться космическое представление? Никакого затмения, только гряды туч. Её бы это вполне устроило.

Хотя, с другой стороны...

*Я бывал на этой горе пару раз. Место – просто рай. Леса, свежий воздух...
Такой вид открывается!*

Ради такого можно простить многое. Шерил тут же вспомнила о Колине, о его обещании ждать её.

– Колин не заявлялся?

– Звонил каждый вечер по сотню раз, набил мне мозоли на пальцах от телефонной трубки, – Кэрол с готовностью продемонстрировала совершенно чистую кисть. – Ей-богу, Шерил, если бы это был не он, я бы давно послала его подальше.

– Спасибо, Кэрол, – Шерил с чувством положила руку на левую сторону груди, – ты настоящая подруга, и всё такое.

Кэрол метнула в неё подушкой. Шерил ждала чего-то подобного, так что с лёгкостью поймала её на лету:

– Не попала. А вот я...

Подушка полетела обратно, развеваясь белой кружевной бахромой, и аккуратно впечаталась в лицо Кэрол.

– Есть! – провозгласила Шерил.

– Да ладно вам, – Роуз смотрела на это представление, с трудом сдерживая смех, – что вы как дети малые-то. Кстати, к нам кто-то стучится. Не дай Бог, комендант...

Кэрол и Шерил притихли. Роуз подошла к двери:

– Кто там?

– Это я, Эшли.

Она открыла дверь. В комнату заглянула миниатюрная блондинка с закинутой за плечо спортивной сумкой:

– Шерил вернулась?

– М-м... да, она здесь.

– Внизу её ждёт парень. Вахтёр не пускает – нет пропуска. Я возвращалась из спортзала, и он попросил меня сказать ей.

– Колин! – ахнула Шерил. – Господи, который час!

– Для любви нет тёмного времени суток, – продекларировала Роуз. – Спустишься, или пускай немного помучается?

– Вот ещё, – она метнулась к зеркалу, лихорадочно поправляя волосы. Роуз учтиво сбросила кончиком пальца ниточку, прилипшую к её плечу. Шерил глубоко вдохнула, сбрасывая волнение. *Как будто в первый раз*, раздражённо подумала она, но в душе испытывала радость. Колин ждёт внизу, невзирая на то, что вечер переходит в ночь. Колин звонил ей каждый вечер, пока её не было. Ещё остался в мире человек, для которого Шерил Мейсон больше, чем знакомая девушка из колледжа.

– Скоро поднимусь, – бросила она подругам, выходя из комнаты. Кэрол показала букву V пальцами рук:

– Удачи.

Вахтёр на первом этаже, миссис Клейтон, встретила Шерил широкой заговорщицкой улыбкой:

– Слишком ты быстро. Нужно было дать настояться полчасака...

– Да ладно вам, – отмахнулась она. – Где он?

– Ну, если не остыл и не ушёл – то на лестничном крыльце. Только учти, через сорок минут я закрываю двери.

– Хорошо, – Шерил шагнула через дверной проём в сумрак вечера. Над дверью должен был гореть фонарь, но летом он включался только после отбоя – странная логика. Первые секунды она не видела ничего, кроме исчезающей светлой полосы на горизонте и декоративных кустов, которые в полутьме казались притаившимися зверями. Луна ещё не взошла.

– Шерил?

Колин, оказывается, стоял совсем рядом, опёршись о колонну и почти сливаясь с её тенью. Он сделал шаг к ней, попав в светлую зону. Шерил с трудом сдержала усмешку. По такому случаю Колин сделал попытку кое-как нарядиться. Результат выглядел тем плачевнее. Особенно вкупе со стоящими торчком волосами.

– Колин, уже поздно...

– Извини. Я узнал только полчаса назад, что ты приехала.

– Мог бы завтра наведаться.

– Мог, – согласился Колин. – Но зачем, если можно сегодня?

Непоколебимый аргумент поставил Шерил в тупик. Как вариант ответа она шагнула к нему в объятия, и нашла своими губами его губы. Вокруг было необычно тихо для кампуса, пусть даже ночного: она слышала лишь биение собственного сердца и сердца Колина. Оба стучали часто и неровно. Ей это нравилось.

– Я очень рад, что ты вернулась, – сказал Колин, когда они разъединились, снова став отдельными людьми. Шерил рассмеялась:

– Можно подумать, я ездила в какой-то театр военных действий.

– Да, знаю, это глупо, – Колин смущённо посмотрел на носки ботинок, – но сначала мне пришло в голову, что самолёты иногда разбиваются...

– О Боже!

– ... потом – что Лос-Анджелес очень большой город с очень большими опасностями. Не обижайся, я вовсе не пытаюсь контролировать твои шаги, но... Ну да, наверное, это неправильно. Извини. Теперь-то я понимаю, какой я идиот.

– Знаешь, – нервно сказала Шерил, – отец мой тоже всегда страшно боялся за меня. Так что не впервой. Мне приятно, что ты беспокоишься, но не стоит так убивать себя. Нервные клетки, они не восстанавливаются. А ты мне с мёртвыми нервами не нужен. О'кей?

– О'кей, – Колин обречённо вскинул руки. – Всё-таки два – ноль. Но помни, близок день, когда я совершу страшную месть.

– Нет, он далёк, – констатировала Шерил, радуясь, что Колин умеет с лёгкостью обратить любой разговор в шутку. Насколько была бы светлее жизнь, если Бог каждому даровал такую способность.

– Как поездка? – серьёзно спросил Колин, закрывая тему.

– Нормально. То есть... насколько это возможно, конечно.

– Никаких проблем?

– Нет. Мне советовали остаться ещё на день, уладить формальности, но я вернулась, как только смогла. Ужасный город. Никогда не предлагай мне съездить в Калифорнию.

– Замётано, – он кивнул. Наступила пауза. Ветер крепчал, шурша в кустах. Линия на горизонте сменила цвет на тёмно-серый. Миновав пост, в кампус въехал автомобиль, и фары на долю секунды скользнули по Колин и Шерил. В мгновенном ярком свете она увидела, что лицо Колина напряжено, лоб пересекает морщина. И поняла: сейчас он что-то скажет. Что-то важное.

Но он лишь глухо выдал:

– Ну, мне пора. Раз ты здесь, значит, уют и благоденствие на душе.

– Лъстец, – буркнула Шерил, испытывая разочарование. Она догадалась, что вертелось на языке у Колина, но он так и не решился. Что ж, его беда... но всё-таки...

Поцеловав её напоследок, Колин спустился вниз. Теперь его силуэт едва различался в сгущающейся темноте. Ещё секунда – и растворится вовсе. Шерил, сама того не ожидая, окликнула:

– Колин?

– Да?

– Мы так и не сходили в кино.

Он остановился.

– Ты... всё ещё хочешь пойти?

Шерил вдруг разозлилась на саму себя. *Господи, сколько можно ходить вокруг да около?*

– К чёрту кино, Колин. Я хочу к тебе. К тебе домой. Если можно, завтра.

Молчание. Силуэт выжидал, размытый, чёрный, как один из тех проклятых кустов. Потом он шагнул к ней, снова обретая лицо – взволнованное, побледневшее, но счастливое.

– Шерил? Ты...

– Мне плохо, – она чувствовала, как усиливающийся ветер проникает под одежду и наполняет вены ночным воздухом. – Колин, Дуглас был... он был очень близким мне человеком. Почти отцом. Мне нужно...

Она замолчала. Колин осторожно положил ладонь ей на плечо. *Не надо оправдываться.* Но Шерил всё равно досказала:

– ... согреться.

– Хорошо, – сказал Колин прерывающимся голосом. – Думаю, это будет лучший день в моей жизни. Три – ноль, ага?

Оба рассмеялись, заставив ветер замереть в изумлении. Смех получился немного нервным, хотя они и не хотели.

Глава 7

Потом пришла ночь, и всё изменилось.

Укладываясь на постель, Шерил пребывала в приподнятом настроении, смешанном с возбуждением и чувством провала в бездонную пропасть. Нельзя сказать, что ей это не нравилось. Предвкушение завтрашнего дня было сладким и завораживающим, и она не сомневалась, что заснёт как убитая на волне этих мыслей. Но ежевечерняя порция болтовни с подругами кончилась, и Роуз с Кэрл притихли, выключив торшер. А Шерил всё смотрела в потолок – иногда любимейшее, иногда отвратительнейшее занятие, – и сна не было ни в одном глазу.

Часы фосфоресцировали зелёным отливом. Полночь. Короткий писклявый сигнал, и все цифры сменились на нули. «Завтра» наступило. В честь этого Шерил перевернулась на другой бок.

Постепенно все образы и мысли о свидании исчерпали себя и сошли на нет. В голове на некоторое время повисла пустота, как копилка, из которого вытряхнули монеты. Чтобы чем-то занять образовавшийся вакуум, Шерил начала считать овец. Курчавые ягнята весело прыгали через забор, неустанным блеянием окончательно изгоняя сон.

В полпервого на небосвод взошла луна, на этот раз чуть ущербная, и воздух снова пронизался голубыми струнами.

Дуглас.

Прекрати, строго приказала она себе. Дуглас умер. Его больше нет. С этим нужно смириться, как... как она смирилась со смертью отца.

Он смотрел вечерние новости.

Картина ожила в памяти во всех подробностях – она поворачивает ключ и входит в дом, ступая осторожно, чтобы не встревожить отца. И видит его перед телевизором. Он сидит на кресле, уронив голову на грудь. Коврик под ногами окроплён кровью.

Он смотрел вечерние новости.

Чёрт возьми!

... Дугласа убили! Его убили, как отца!

– Прекрати, – прошептала она, шевеля губами. Вдруг страшно захотелось пить. Шерил тихо встала, откинув одеяло. Хотела включить свет, но Роуз в этот момент заворочалась в постели, и она оставила выключатель в покое.

Бутылка с молоком в холодильнике была наполовину полна. Шерил жадно припала к горлышку, судорожно глотая холодную жидкость. Желудок недовольно забурчал, но жар в голове заметно ослабился. Когда бутылка опустела, она швырнула её в мусорную корзину и уселась за стол, обхватив лицо руками. Щёки горели, пальцы незаметно подёргивались.

Ну что, что такое? Успокойся. Всё прошло.

Вот именно. Всё прошло. Дуглас был последним, кто связывал её с прежней жизнью – маленькой, мирной, наивной; последним, кто увидел ту простодушную, страшась незнакомого мира девушку, которая набирала отцовский номер, чтобы сообщить – всё в порядке. История стиралась вместе со своими свидетелями. Обычно мысль о том, что события той ночи потихоньку погружаются в чёрный пруд забвения, ободряла Шерил. Но не сегодня. Вновь захлестнуло до боли знакомое ощущение абсолютного одиночества, непонятости.

Хотя вкус молока ещё горчил на языке, её снова обуяла жажда. Шерил на этот раз не стала тянуться к холодильнику, а встала и вернулась на кровать. Нужно спать, чего бы это ни стоило. Ночь на то и тёмное время, чтобы вздорные мысли и глупые страхи обрели плоть. В лучах рассвета всё будет казаться просто смешным. Шерил на это искренне надеялась. Положив голову на подушку, она

натянула одеяло до подбородка: привычка с детства, она не изменяла ей даже в самые жаркие ночи. Чтобы не видеть предательское серебро луны, она крепко закрыла глаза и так и не открывала, пока не заснула.

Спала она плохо. Даже сам переход в небытие давался нелегко – она не растворилась в тёплых волнах истомы, как обычно, а долго и болезненно пробиралась через хребты и ущелья темноты, пока наконец не добилась желаемого. Небытие сочило голубоватый свет, и она видела его под веками. Потом свет обратился в высокое осеннее небо. На небо набежали тени облаков, рваных и серых. Посреди этой картины пеплом кружила одинокая чёрная птица, потом улетела и она. Шерил поняла, что она смотрит на небо. А внизу, на земле, священник по второму кругу читал псалтырь над закрытым гробом. Люди сосредоточенно смотрели под ноги, дождь бил по их чёрной одежде.

Она осознавала, что спит. Хотя бы потому, что умершего второй раз не хоронят. И изо всех сил желала проснуться, но голос священника и шум ветра цепко держали её в мире грёз.

Шерил беспомощно оглянулась, надеясь заметить какое-нибудь несоответствие своим воспоминаниям, которое дало бы толчок к пробуждению. Несоответствия были, даже больше, чем она ожидала. И они вовсе не способствовали прояснению разума – наоборот... пугали и погружали её всё больше в реальность сна.

Она знала почти всех присутствующих. По левую руку, в изящной чёрной шляпке, стояла Кэрл. По правую руку – Роуз... то есть она полагала, что это Роуз: непостижимым образом ей не удавалось разглядеть её лицо достаточно хорошо. Во сне такое бывает.

Присутствовали здесь её приятели и подруги из курса, даже несколько преподавателей, которые относились к ней особенно хорошо. Лица застыли, словно нарисованные на бумаге. Шерил заметила, что люди образуют вокруг гроба не полукруг, как обычно, а цельное кольцо. Внутри кольца в двух шагах от изголовья гроба стояла трибуна священника.

Ну вот видишь?.. Это абсурд. Это не по-настоящему. Какое дело Кэрол и Роуз до похорон Дугласа?

Ей в голову пришла шальная мысль подёргать окаменевшую Кэрол за руку и спросить, какого дьявола она здесь делает, но Шерилхватило ума не воплощать идею в жизнь. Пока сон течёт своей размеренной жизнью, нет смысла его нарушать. Иначе – прямая дорога в кошмар, который дорого ей обойдётся.

Так что она выжидала. Священник закончил речь, из которой Шерил не поняла ни слова, и исчез с трибуны. Именно исчез: она не увидела, как он ушёл. Некоторое время трибуна пустовала, окружённая живыми манекенами, потом из кольца вышел вперёд человек. В отличие от остальных, он двигался вполне нормально, хоть и медленно, погружённый в горечь. Шерил судорожно вдохнула. На трибуну выходил Колин.

Внезапно она всё поняла. Несоответствия встали на места, образовав связную цепочку. Она посмотрела по сторонам. Нефритовая трава, могильные камни, ограда... Ограда была низкой и узорчатой, в то время как в Лос-Анджелесе прямые стальные прутья уходили на высоту пятого этажа. И расположение могил другое, идущее не стройными рядами, а концентрическими кругами. И гроб... Гроб Дугласа был обтянут атласом. А здесь – бархат с характерными шероховатыми складками.

Это был не тот гроб. И не те похороны.

Но тогда...

Шерил оцепенела от безотчётного ужаса, наполняющего её, как вязкий кроваво-красный сироп. Её друзья. Её преподаватели. Колин.

– Я любил её, – сообщил Колин дрожащим голосом, навалившись грудью на трибуну. – Я любил её, а она ушла.

Не может быть!

Она схватила Кэрол за руку. Пальцы подруги были холодными, как гранит.

– Кэрол! Кэрол, посмотри на меня!

Губы Кэрол беззвучно зашевелились. Она громко шмыгнула носом, но не обратила на её отчаянный шёпот никакого внимания. Взгляд был устремлён вдаль, за ограду, за выцветшую лесную чащу, за горизонт.

– Роуз! – Шерил в панике обернулась. Роуз пропала; на месте, где она раньше стояла, осталась лишь охапка принесённых ветром жёлтых листьев.

– Смерть забрала её слишком рано, – голос Колина то стихал, то становился громче, как шум прибоя; в нём была ярость. – Она не может уйти от нас. Не может.

– Не может, – единым хором выдохнули люди, смыкающие кольцо.

– Я здесь! – закричала Шерил и выбежала вперёд, в центр круга, ближе к неприлично яркому бархату. Пустые взгляды пронизали её насквозь. Она увидела могилу, сырую и глубокую. На дне копошились белые кольчатые черви. Она закрыла рот ладонью и отвернулась.

Колин смотрел прямо на неё. Но не видел.

– Бог распорядился не так, как мы хотели...

Сейчас они похоронят меня. Они похоронят меня заживо!

– Да что с вами?! – в исступлении закричала Шерил, вытянув открытые ладони перед собой. – Вот она, я! Смотрите же!

– Мы будем помнить тебя. Твой образ навсегда останется...

– Смотрите! – Шерил со всей силы сжала веки, чтобы пробудиться от кошмара. Сейчас она была не так твёрдо уверена, что это всего лишь сон. Открыв глаза, она увидела, что Колин пропал с трибуны, и трос лебёдки, прицепленный к гробу, начинает натягиваться. Натужный рёв мотора размылся, превращаясь в завывание пожарной сирены.

Остановитесь!

Слова не выходили из горла. Она бросилась вперёд, к гробу. Хотела сорвать с него крышку, но та была крепко приколочена гвоздями. С лёгкостью преодолев её усилия, гроб взвился на воздух и с ужасающей плавностью понёсся к могиле. Шерил увидела, что её ладони в крови: разодрала о край крышки. Боли не было.

– Колин! – она лихорадочно переводила взгляд с одного лица на другое, но видела только картонные лики манекенов. – Колин, помоги! Не дай им...

Гроб сорвался с троса и рухнул вниз. Ударился о дно сначала одной стороной, потом другой, и замер. Черви испуганно поползли прочь. Сирена горланила во всю мощь, и на крышку упали первые комья земли.

– Нет! Не делайте этого!

Заточенный, первобытный страх овладел ею. Шерил кинулась вперёд, в толпу, с размаху ударила кулаком в лицо первому попавшемуся. Может, хоть так заметят... Чужая голова послушно повернулась под её рукой, но криков удивления не последовало. Человек терпеливо снёс удар, будто так и должно быть. Шерил метнулась к другому, сходу заехав по физиономии. Сколько она ни старалась, друзья и подруги оставались слепыми, глухонемыми истуканами, наблюдающими, как её хоронят преждевременно. Она разрыдалась. В могильной яме красный бархат начал скрываться под коричневым слоем.

И тут кто-то схватил её за плечо.

– Успокойся, Шерил. Всё хорошо.

Она рывком посмотрела на говорящего. К её превеликой радости, это был Колин, и он не собирался строить из себя слепого.

– *Хорошо?* – прокричала она ему в лицо. – Меня хоронят заживо, Колин!.. Сделай что-нибудь!

Вместо ответа Колин молча указал на небо. Там, среди оловянных облаков, плыл крохотный матовый диск солнца. И на глазах Шерил на него упала тень, которая начала стремительно пожирать светило с правого края.

– Затмение, Шерил. Начинается затмение.

– Ч-что? – она не могла оторвать глаза от жуткого зрелища. Вокруг заметно потемнело. В сгущающейся тьме мотор лебёдки продолжал наполнять воздух стальными струнами. Шерил не видела, но догадывалась: гроб уже полностью исчез под землёй. Обратного пути нет...

Белый серп становился тоньше. Сумрак переходил в черноту. Люди у могилы превратились в серые столпы, потом исчезли вовсе, слившись с тьмой. Но Колин

оставался рядом – он стоял за спиной, держал её за руку, и это было главное. Шерил слышала, как он шёпчет:

– Не бойся, Шерил. Это ничего не значит. Я тебя никому не отдам.

Я знаю, хотела сказать она в ответ... но в этот миг краешек солнца блеснул в последний раз и пропал, погрузив всё во власть космической темноты. Одновременно умолк мотор-сирена, выполнив своё грязное дело: он сровнял могилу с землёй, уничтожая последнюю надежду Шерил выбраться наверх. Что-то нестерпимо надавило на грудь. Прижав руки к груди, она нащупала там вместо привычных мягких бугорков нечто пухлое, большое, бесформенное. Покрывшись гусиной кожей от отвращения, она оторвала отвратительный нарост и швырнула прочь. Тот мелькнул молнией в голубоватом свете и ударился о стену...

О стену?

Да, о стену. Она лежит на кровати. Голубое сияние – свет луны. А этот нарост – всего лишь подушка, которого она прижала к груди, ворочаясь во сне. Шерил глубоко вдохнула. Тёплый комнатный воздух показался райским нектаром.

В эту ночь сон ещё долго не приходил к ней.

Глава 8

– Что случилось, Шерил?

Вопрос застал её врасплох, когда она меньше всего ожидала. Шерил полагала, что вообще неплохо умеет скрывать собственные переживания, даже слишком хорошо, и большая её часть остаётся за маской деланного спокойствия. И вот нате – Колин вопросительно смотрит на неё, в серых глазах выглядывает недоумение и чуточку обида.

Что случилось, Шерил?

Хотя вчера вечером она послала кино к чёрту, всё-таки они сходили на сеанс: не пропадать же билетам. Фильм оказался не шедевром, и треть зала уснула на половине; впрочем, это не омрачило им настроения. На небе по-прежнему не было ни облачка. Они пошли в ресторан, где по безумно высокой цене заказали

несколько незнакомых экзотических блюд. Большинство имело такой вкус, что спокойно в рот класть эти яства было положительно невозможно. Шерил всё-таки заставила себя съесть всё содержимое тарелки, не без удовольствия наблюдая, как Колин силится повторить её подвиг. На нём был тёмный костюм, из которого он явно вырос. Ещё Колин предпринял хоть какую-то попытку привести в порядок непослушные волосы. Шерил знала, что это далось ему нелегко, и оценила по достоинству эту жертву.

Огни ресторана растворились на заднем стекле, когда Колин осторожно покосился на неё. Она положила ладонь ему на руку:

– Поехали к тебе.

Серый «додж» послушно прибавил газу. Машину, как и квартиру за кампусом, подарили Колину родители. Вроде они работали в какой-то большой компании и не жаловались на недостаток. Шерил особо этим не интересовалась.

Квартира Колина в Западном Эшфилде была по студенческим меркам просто шикарной: мгновение она растерялась у входа, увидев просторную гостиную, которая могла сравниться по размерам с их каморкой в общежитии.

– Ты живёшь здесь совсем один? – потрясённо спросила она. Колин виновато потупился:

– Ну да. Есть грех.

Они прошли внутрь. Колин включил тихую музыку (*Бог мой*, подумала Шерил, *эта стереосистема создана сокрушать стены!*) и устроил ей экскурсию по дому.

– Здесь кухня, – электрический свет залил почти пустую комнату, к углу которой стеснительно жалась электроплита. Крохотный деревянный стол смотрелся в огромном помещении почти оскорбительно. В интерьер более-менее ловко вписывался лишь большой белый холодильник.

– Будешь чего-нибудь?.. Может, лимонада?

– Нет, – Шерил с удивлением обнаружила, что гадостная ресторанная еда, тем не менее, сумела утолить голод. – Пошли дальше.

Колин открыл следующую дверь:

– Рабочий кабинетик...

Взгляд Шерил остановился на белой коробке компьютера на столе. Рядом примостился принтер с заправленной кипой бумаг.

– Ты пишешь?

– Нет, – улыбнулся Колин, – иногда играю, но в основном распечатываю нужные тексты.

– Хорошая вещь, – кивнула она, – такая не помешала бы и нам в общежитии.

– Хочешь, подарю? – совершенно серьёзно спросил Колин. У Шерил аж перехватило дыхание:

– Ни в коем разе! Иначе я буду тебе вечная должница, а мне этого совсем не хочется.

Вдоволь насмеявшись, они пошли дальше. Открывая дверь, Колин почему-то сосредоточенно уставился на пол. Заглянув в комнату, Шерил поняла, в чём дело.

– Спальня, – продекламировал Колин.

– Надо же, – она прошла внутрь, оставив его топтаться за спиной. – Какая большая кровать... Явно не для одного человека. Признайся, где у тебя девочка тут припрятана? В шкафу?

Колин закрыл дверь:

– Извини... Сегодня – никого.

Покрывало имело ярко-алый цвет. Шерил вспомнила атлас, которым был обтянут гроб, и досадливо тряхнула головой. Не здесь. Не сегодня. В этот вечер призракам прошлого рядом с ней делать нечего.

Она обернулась к Колину – почти в отчаянии, – и заглянула в глаза:

– Похоже, парень, ты-таки обставил меня. Один – три.

– Стараемся, как можем, – Колин расцвёл в улыбке. В той самой улыбке, которая привлекла её в день их знакомства в скучной библиотечной очереди. – Держим счёт, мэМ!

Сбросив с плеч джинсовую куртку, она шагнула к нему:

– Ненадолго. Посмотрим, как на это сможем ответить мы...

Лишь раз она болезненно стиснула зубы – когда ей пришлось коснуться голой спиной этого отвратительного малинового цвета. Шёлк словно прошёлся по коже миллионами мелких щупалец, вызывая дрожь и зуд. Но Шерил крепче обняла Колина, и покрывало снова обернулось простой тканью, ложем для них, их любви. *Вот так*, с торжеством подумала она, *правильно! Никто не смеет помешать!* И тут же забыла обо всём, плохом и хорошем – остались только их ровное, синхронное дыхание, и мелодичный женский голос, струящийся из динамиков, что пел о бесконечном счастье.

А потом, когда они в изнеможении лежали, прильнув друг к другу, и стереосистема умолкла, исчерпав все свои песни, Колин тихо спросил:

– Что случилось, Шерил?

Она с недоумением посмотрела на него, чувствуя себя воровкой, которую поймали с поличным:

– Ничего... С чего ты взял?

– Ты сама не своя с тех пор, как вернулась из Лос-Анджелеса.

Шерил горько усмехнулась:

– У меня умер близкий человек. Разве это не достаточная причина?

Колин взъерошил ей волосы, и она прижалась к его груди, считая разговор оконченным. Но после молчания он выдал:

– Дело не в этом. Мне кажется, ты чего-то боишься.

– Боюсь?.. – Шерил на мгновение зажмурилась. Неужели это так заметно? Нет... Колин не понимает, что говорит. Ему *кажется*, и всё.

– Ну да, – сказал Колин. – Я, конечно, не настаиваю, но... если это так... может, тебе будет легче, если расскажешь?

Колин просится в мои персональные психоаналитики, истерично подумала она. И сделала попытку непринуждённо рассмеяться:

– Мне не о чем рассказывать. Ничего я не боюсь. Ты начитался Фрейда.

– Я не читаю Фрейда, – возразил Колин. – Господи, Шерил, не нужно иметь семь пядей на лбу. Ты напугана. Смотрела в зеркале, какие у тебя глаза?

– Но-но! – она предупреждающе подняла руку. – Есть претензии к моей внешности? Смотри, я могу и обидеться.

Он улыбнулся:

– Если я скажу, что это делает тебя только красивее, ты не поверишь, не так ли?

– Не поверю.

– Но это правда. Кстати... теперь-то не откажешься от лимонада?

– Лимонад в постель? – она вскинула брови. – Звучит заманчиво. Ладно, неси.

– Я мигом. Никуда не уходи! – Колин игриво погрозил пальцем и вышел из спальни. Шерил сохраняла натужную улыбку на губах, пока его спина не исчезла в проёме двери, и откинулась на кровати, разбросав руки. Захотелось расплакаться навзрыд – приходилось задерживать дыхание, дабы унять предательскую дрожь в челюсти. Шерил уставилась влажными глазами на хрустальную люстру под потолком.

Он знает.

Отчаяние захлестнуло чёрной волной. Она попыталась себя образумить, призвав на помощь тот спокойный рассудительный голос, который иногда так докучал ей:

Ничего он не знает, девочка. Не смей закатывать истерику и портить вечер.

Но он сказал, что я боюсь!

А ты разве боишься?

Действительно, чего ей бояться? Красного покрывала? Нелепых кошмаров, которые улетучиваются с приходом утра? Или минутного потемнения неба, когда рядом с ней будет любимый человек? Это смешно. Ей *ничего* бояться. Всё хорошо, и жизнь течёт своим чередом.

На кухне зазвенели стаканы. Шерил уловила бульканье наливаемого лимонада, хрустящий звук льда из холодильника. Ей стало легче; детское желание разрыдаться прошло. Но внутренние голоса, брызжущие слюной друг на друга, никуда не делись.

Чёрт возьми, Шерил, ты никогда не жаловалась на шестое чувство! А теперь просто спроси его, и оно тебе ответит – что-то не так! Только не говори, что ты этого не чувствуешь!

Ничего я не чувствую. Дуглас умер, но это должно было произойти. Это не конец жизни. Я просто угнетена. Нужно подождать, и всё пройдёт.

Ты это твердишь, как заведённая. Это лишь доказывает, что ты напугана. Колин прав...

Ладно. Ладно. Пусть так. И чего ты хочешь – чтобы я взяла и вывалила всё Колину, как есть? Думаешь, ему будет приятно узнать, что его подружка – конченная шизофреничка? А по-другому он не подумает. Эти вещи... они слишком безумны, чтобы рассказывать о них. Слишком безумны, чтобы даже вспоминать.

Но ты вспоминаешь, ага? Что случилось, Хизер?

– Не называй меня так, – зло процедила она сквозь зубы и приподнялась, отгоняя наваждение: алый шёлк снова жёг спину. Люстра с искрящимися подвесками качнулась в её глазах. Она вдруг почувствовала себя страшно одинокой в этой просторной комнате. Ну когда вернётся Колин?

Он вернулся – гордо держа на подносе два бокала, наполненные янтарным напитком с кусочками льда. Физиономия была до того по-мальчишески счастливая, что Шерил непроизвольно улыбнулась, отложив беспокойство на нижнюю полочку.

– Там-гара-рам! – провозгласил Колин, присаживаясь на кровать. – А вот и ваш заказ! Хотел смешать коктейль, но в холодильнике ничего подходящего не нашлось. Жаль.

– Всё в порядке, – она взяла бокал и пригубила соломинку. – Брр. Ледяной...

– Надеюсь, тебе так нравится, – Колин поднёс бокал ко рту и разом выдул половину порции. – По мне, чем холоднее, тем лучше... Кстати, я поставил диск Джона Денвера. Тебе он нравится?

– М-м? – она пожала плечами, не отрываясь от соломинки. Лимонад был чудесным. Он остужал её разгорячённую голову.

– Денвер – мой любимый певец, – Колин взмахнул рукой в такт негромкому пению с лёгким французским акцентом. – Знает, как нужно петь о жизни.

– Извини, Колин, с музыкой отношения у меня не очень, – призналась Шерил, опустошив бокал. Она с сожалением посмотрела на прозрачные тающие кубики на дне. Ещё от одного бокала она бы не отказалась.

– Но всё-таки... может, потанцуем? – робко предложил Колин. Шерил удивлённо посмотрела на него. Он выжидал с надеждой, смешанной со страхом, и ей вдруг стало смешно:

– Что-то всё у нас шиворот-навыворот, Колин. По-хорошему, сначала следовало бы выпить лимонаду, потом потанцевать, и после этого отправиться в спальню. Что скажешь на это?

Колин пожал плечами, и улыбка застыла у неё на губах. *Он всё видит.* У Колина не было такого уж неудержимого порыва танцевать. Просто он не знает, как иначе можно сейчас изгнать безотчётный страх, сковывающий её тонкой паутиной. Если уж на то пошло, то она тоже пришла на свидание за этим, не так ли?

Мне нужно... согреться.

– Ладно, – сказала Шерил, испугавшись, что Колин вот-вот снимет предложение. – Попробуем сыграть не по правилам.

И они оделись и кружились в спальне сначала в танце медленном, потом быстром, чтобы снова вернуться к медленному. Постепенно краски вновь стали ярче, воздух – горячее и ароматнее, и когда Джон Денвер запел о богах, скрывающихся в облаках, они вновь упали на кровать, и на этот раз алый цвет никакой неприязни у Шерил не вызвал.

А совсем поздно, когда стереосистема умолкла до утра и оба засыпали, Колин шёпотом спросил у Шерил, чего она боится. Она не удивилась вопросу – давно ждала её, к тому же сон успел обволокнуть её мягкой пористой ватой. Она сама не услышала, как прошептала всего два слова. Шерил спала. Колин лежал рядом, далёкий от того, чтобы погрузиться в дебри сна. Он всё пытался понять, что могут означать эти два слова, простые и зловещие: *Тихий Холм.*

Глава 9

Два дня прошли, как обычно, неотличимые от череды похожих друг на друга учебных будней. Кошмары больше не снились, и необъяснимая тоска оставила Шерил в покое. Её это вполне устраивало, и хотя в голове назойливо вертелись ассоциации с затишьем перед бурей, она чувствовала себя хорошо. Субботним утром, вставая с постели, она вовсе не пришла в ужас при мысли о затмении. Как-то само собой решилось, что она отправится на гору вместе с Колином, Кэрол и Роуз. Подруги предъявили ультиматум: или они наконец более-менее плотно пообщаются с парнем и узнают, что к чему, или они перестают ей доверять. Шерил пришлось сдаться. Когда она с некоторым беспокойством сообщила об этом Колину, он лишь рассмеялся и сказал, что всё в порядке – его машина в состоянии разместить четырёх.

После занятий, в три часа, они гурьбой спустились в вестибюль общежития. Там было пусто – в такую духоту мало кто горел желанием запереть себя в четырёх стенах. Солнце припекало во всю мощь, не зная о своей участи. День был хоть жаркий, но довольно ветреный, и на горизонте показались первые белесые тучи.

– Как бы солнце не скрылось в тот самый момент, – заметила Роуз, поймав взгляд Шерил, устремлённый на край неба. – Вот тогда будет действительно смешно.

– Не думаю, – возразила она, втайне надеясь на обратное. – Затмение через два часа. Тучи не успеют добраться до города.

Кэрол гордо продемонстрировала круглую стекляшку:

– Все взяли дымчатые стёкла? Без них, говорят, затмение не затмение.

– Я взяла, – Роуз опять посмотрела на Шерил. – А если твой Колин будет таким рассеянным, что забудет стекляшку, то я собственноручно предам его анафеме.

– Колин не такой, – парировала Шерил, но, вспоминая порой доходящую до смешного рассеянность Колина, она не была в этом уверена.

Мимо общежития прошествовала шумная группа студентов, бодро вышагивающих к воротам кампуса. Одеты они были легко, у всех на ногах шипастые ботсы. Кэрол, видимо, кого-то узнала в этой пёстрой толпе, и помахала рукой.

– Настоящие безумцы, – объяснила она. – Собираются взойти на вершину горы пешком, разбить палатки, устроить пикник. Как бы эти придурки не забыли о самом затмении.

– Смотрите! – Шерил указала на ворота. Серый «додж» притормозил у вахты: Колин в кабине оживлённо жестикулировал, что-то говоря старику, который находился в будке. Наконец тот лениво махнул рукой, показывая: ладно, проезжай. Радостно бибикнув, «додж» понёсся по полосе раскалённого асфальта в их сторону. Подруги вышли из вестибюля и спустились по лестнице. Ветер шелестел в декоративных кустах, и гряда облаков на западе заметно выросла.

Машина остановилась перед домом. Колин опустил стекло и приветливо выглянул наружу:

– Салют, красавицы! Надеюсь, не заставил долго ждать?

Роуз взглянула на запястье:

– Ровно семь минут. Не смертельно.

– Виноват, – Колин склонил голову; он уже выбрался из машины и приближал Шерил. – Вы, я так понимаю, Роуз?

– Она самая.

Он повернулся к Кэрол:

– Значит, вы...

– Кэрол.

– А я Колин, – он показательно сцепил пальцы. – Учусь, как это ни прискорбно, в математическом факультете.

– Ну да, много слышали, – кивнула Роуз. – Пожалуй, порой даже слишком много.

– Роуз! – одёрнула Шерил. Все рассмеялись. Старик в будке взирал на них так, словно сейчас достанет дробовик и расстреляет всех.

– Ну вот, познакомились, – Роуз снова посмотрела на часы. – Теперь можно и ехать. Как раз успеем за полчаса до затмения.

– Не обращай внимания, – шепнула Шерил на ухо Колину. – Она жить не может без посекундной планировки.

Колин заговорщицки подмигнул: информация принята.

– Как настроение? – негромко спросил он. Роуз и Кэрол уже залезали на задние сиденья.

– Нормальное, – она призадумалась. – Чёрт побери, просто *отличное!*

Восклицание получилось больше напряжённым, нежели весёлым. Она надеялась, что Колин этого не ощутил. Шерил лгала. С одной стороны, она чувствовала себя хорошо в окружении знакомых, и ей владело приятное возбуждение перед поездкой... но с другой – было в этом жарком дне нечто сюрреалистическое, ненастоящее. Словно всё – Роуз, Кэрол, Колин, «додж», кампус, она сама, – были правдоподобно, но вычурно нарисованными картинками, которые двигались, говорили, смеялись. Схожие ощущения у Шерил бывали после пары бокалов крепкого коктейля. Она усмехнулась, усаживаясь на пассажирское кресло. *Пьяная на трезвую голову, что может быть хуже?*

– Колин? – окликнула Роуз сзади, когда тот захлопнул свою дверцу и взялся за ключ. Колин оглянулся:

– А?

– Ты не забыл взять с собой стекло?

– Какое стекло? – он выглядел донельзя удивлённым. В наступившей гробовой тишине громко фыркнула Кэрол, безуспешно пытаясь скрыть это в шёлковом носовом платке. Шерил страдальчески вздохнула и рассмеялась. Секундой позже в салоне смеялись все – сначала робко и неуверенно, потом громче, подхватывая заразу смешинки друг у друга. Колин, кажется, так и не понял, что послужило причиной для столь неожиданного веселья, но с удовольствием присоединился к общему гоготу.

Глава 10

Они прибыли на место без происшествий (если не учитывать жуткую тряску, когда машина ползла вверх по каменистому склону). К тому времени солнце успело отойти в сторону запада, но до горизонта было ещё далеко. Тучи уверенно завоёвывали свою часть неба, но теперь стало понятно, что угрозы с их стороны ждать не приходится: слишком они были далеко. А меж тем до часа икс оставалось немногим более двадцати минут.

Уголок был живописным донельзя. Именно таким представляла его Шерил, а может, действительность была даже лучше: взъерошенная зелёная поляна доходила до самого обрыва, где резко сменялась глыбами камней. Когда она заглянула вниз с края, к горлу подступил комок: стена была почти отвесной, лишь многими-многими футами ниже склон постепенно начинал крениться, уходя в леса. Они находились довольно высоко, но всё-таки не настолько, чтобы увидеть строения Эшфилда посреди гущи дремучих лесов – поэтому создавалось впечатление, будто их компания находится за сотни и тысячи миль от цивилизации.

– Красотища! – констатировала Кэрол, разглядывая умопомрачительный пейзаж.

– Пожалуй, за такое местечко Колину можно простить его оплошность, – согласилась Роуз. Она надела тёмные очки, поэтому Шерил не поняла, шутит её подруга или говорит всерьёз.

– Да ладно тебе, – возразила она, – он же купил по дороге это проклятое стекло. Так что всё тип-топ.

– Кстати, куда это он запропастился? – Роуз оглянулась, вслед за ней то же самое сделала Шерил. Колин стоял у открытого багажника, доставая какой-то ящик. В солнечных лучах что-то невыносимо ярко блеснуло.

– Эй, что это у тебя там? – подозрительно спросила Роуз. Колин поставил ящик на землю и вытащил бутылку, в горлышке которой искрился свет:

– Кому пиво, кому колу?

– Надо же, – Кэрол покачала головой. – Это он хорошо придумал. Мы и забыли... Мне колу! – крикнула она.

– А мне, пожалуй, пиво, – сказала Роуз после небольшого молчания. Вот теперь она улыбалась по-настоящему: Шерил видела это даже сквозь дымчатые очки. На секунду её охватила гордость за Колина, его обаятельность, которая сглаживала любые углы. Она снова почувствовала к нему неявную зависть.

– Мне тоже колу, – рассеянно сказала она. От пива бы она тоже не отказалась, но мысли о «пьяной на трезвую голову» отбили охоту принимать спиртное.

Колин откупорил и поднёс бутылки, покрытые влажной плёнкой стужи, как частички зимнего дня. Но если вчера вечером холодный лимонад действовал отрезвляюще, то сегодня эффект бы прямо противоположный: прохлада растеклась по венам и мышцам, превращая Шерил в мёрзлую сосульку. Зыбкость восприятия возросла до угрожающей степени. Ей внезапно подумалось, что она стоит слишком близко к краю. Она быстро отошла назад.

– Эй, что случилось? – встревоженно спросила Кэрол. На губах у неё были капли напитка. Шерил покачала головой:

– Ничего. Просто...

– А я, кажется, понимаю, – Роуз кинула выразительный взгляд в сторону Кэрол. – Колин, Шерил, вы не против, если мы с Кэрол будем наблюдать за затмением с соседнего выступа? Я видела, когда мы проезжали мимо, там есть отличная площадка сотней футов ниже.

– Нет, конечно, – Колин засиял. – Спасибо.

Он умолк, поняв, что ляпнул что-то непотребное, но Роуз ограничилась добродушной усмешкой. А вот Шерил было не до усмешек. Они оставались вдвоём, а не вчетвером, и когда на землю падёт тьма, людей возле неё будет на два меньше. *Почему вы уходите?* – захотелось крикнуть ей. – *Оставайтесь!* И хотя разум понимал, что подруги лишь пытаются сделать ей приятное, она всё равно ощутила горькую обиду – до того острую, что едва не всхлипнула.

Перестань! Сколько можно?

Роуз и Кэрол уже вышагивали вниз по дороге, и гравийная пыль вилась под их ногами. У поворота, где дорога скрывалась за зелёной грядой, Кэрол обернулась в последний раз и выстроила любимый жест – знак победы, буква V.

– Что-то не так? – спросил Колин. Спросил мягко и заботливо, и Шерил опять почувствовал призрак персонального психоаналитика.

– Нет, – она с усилием отвела взгляд с опустевшей дороги. – Просто эта жара... на мгновение закружилась голова.

– Боишься высоты?

– Пожалуй, это единственное, чего я не боюсь, – она даже улыбнулась. – Да что ты пристал ко мне, как банный лист, в самом-то деле?.. Мне хорошо, мы вдвоём, и скоро будет один из незабываемых моментов жизни. Может, я просто волнуюсь.

Колин несколько секунд смотрел на неё с явным сомнением, потом сложил руки на груди:

– Извини, Шерил. Я, честно говоря, тоже волнуюсь. Не каждый день бывает затмение, к тому же нужно не ударить в грязь лицом перед твоими подругами.

Плевать я хотел на затмение, прочитала Шерил в его глазах. *На затмение, на подруг, на всё прочее-остальное. Важна только ты.*

... и – вопрос, который давно не сходит с карих глубин: *Что случилось, Шерил?*

Мы обманываем друг друга, с ужасом поняла она. Обманываем, как бывалые муж и жена – и даже не краснеем.

– Ты уже ударил в грязь лицом, – сказала она вслух. – Роуз ни за что не забудет про это стекло.

– Ага, и поэтому будет строить нам всевозможные козни, разлучит нас навсегда, посадит меня в темницу, – отмахнулся Колин. – Я в смятении и страхе. А что до этого жалкого куска стекла – в конце концов он всё равно оказался у меня, разве не так?

Он поднял дымчатое стекло и посмотрел сквозь него на солнце. Шерил мельком увидела через коричневое марево жарено-жёлтый круг.

– Ну сколько там осталось?

– Около пяти минут, не больше, – Колин помолчал. – Говорят, можно среди бела дня увидеть звёзды. Никак не могу такое представить. Будет интересно.

Кому как, подумала она. Ясная синева неба была такой глубокой, что разум отказывался верить, что за считанные минуты её сменит вечерняя тьма. Шерил показалось, что лесные звуки – шёпот веток, пение птиц, жизнерадостный стрекот цикад, – поутихли, предчувствуя грозное явление. Душная тишина воцарилась на площадке. Ожидание действовало угнетающе.

– Скорей бы, – вздохнула она. – Я вся нетерпение.

– Теперь уже совсем скоро, – заверил Колин, не сводя с неё взора. Она упорно старалась этого не замечать. – А ещё я мечтаю увидеть солнечную корону. Говорят, красивое зрелище.

– Угу, – она прищурилась, глядя на сверкающий диск. Нарисованность происходящего доходила до катастрофической степени. Где-то внизу по дороге звонко рассмеялась Кэрол. В наступившей тишине это прозвучало кошунственно.

– Знаешь, – продолжал Колин, – я читал, что солнечная корона вообще-то видна в любое время, но только обычно его затмевает сияние самого солнца, а во время затмения...

– Тсс! – Шерил с силой вцепилась ему в руку. – Смотри!

С первого взгляда ничего не изменилось, и солнце по-прежнему смеялось на голубом океане неба, но она уловила какое-то мимолётное движение на жёлтом диске. Это не была иллюзия. Это было *на самом деле*.

– Думаю, ещё рано, – неуверенно изрёк Колин. – Ещё пара минут...

Вспомнив о стекле, Шерил трясущимися пальцами вытащила его из кармана джинсов. Пропущенное через коричневый фильтр, солнце преобразалось в рваный круг, плывущий в темноте. И с правого края...

– Началось, – прошептала она одними губами. Почти на уровне осязания почувствовала, как Колин рядом тоже жадно припал к дымчатой стекляшке.

Медленно-медленно чёрная тень отъедала край солнца, подползая к центру. Теперь её невозможно было не заметить. Светлый диск на глазах превращался в серп. Триумфальное шествие затмения началось.

И сказал дьявол, да будет тьма...

Когда тень поглотила четверть диска, Шерил внезапно ощутила холодный ветер, который подул с вершины. Теперь вокруг стало действительно тихо – всё живое умолкло, притаилось, ожидая чего-то страшного, выходящего за рамки обыденного быта. Она сцепила руки. Они были холодными.

– Обними меня, – попросила она Колина, который тоже был явно не в своей тарелке. – Мне страшно...

Скрывать страх уже не имело смысла. Колин молча подчинился. Его ладонь была тёплой и успокаивающей. Шерил посмотрела вокруг.

Цвета потухли. Лес, слепивший совершенной зеленью, превратился в выцветший орнамент на серой земле. Небо приблизилось, вплотную прижалось к горе, растеряв своё величие. Тучи, собирающиеся на западе, стали больше и плотнее.

Серп уменьшался. Теперь это было видно невооружённым глазом. Заветная стекляшка своё отслужила.

Сейчас зазвучит сирена. Потом – собачий вой. А после придут ОНИ.

Из чёрного круга водостока выползла первая капля крови. Хизер не мигая смотрела, как вслед за ней выглянула ещё одна капля, ещё... Капли слились в ручейки, ручейки в лужицы. И вдруг, словно прорвав плотину, в ванну потоком хлынула алая артериальная кровь, начавшая стремительно подниматься до края.

Пышные кроны стали в сгущающейся темноте клочками грязной ваты. Травы на склоне горы свесили головки. В воздухе стало ощутимо холоднее; небо приняло сливовый оттенок. Тень луны миновала середину диска.

Господи, ну зачем, зачем я согласилась приехать? Ведь могла просто запереться в ванной и включить свет, и ничего бы не было. Шерил медленно выдохнула. Снова нестерпимо захотелось пить. Полторы недели назад на

занятиях разговор зашёл о том, что древние люди считали каждое затмение очередной вехой на пути к концу света. Тогда она посмеялась вместе со всеми, но за эти долгие секунды она стала понимать невежественных древних гораздо лучше.

– Звёзды, – шепнул Колин. Она обречённо подняла глаза. Небо теперь имело бледно-тёмный цвет, напоминающий плохо сваренную уху. Надвигающиеся тучи поблекли на этом жутком фоне. И прямо над головой, проткнув ткань пустоты, появилась звезда... неяркая, тусклая, совершенно примитивная. Мгновением позже ей составила компанию плеяда других звёзд. От солнца остался узенький краешек, и космический грызун доедал жалкие останки.

Шерил вдруг пришла в непоколебимую уверенность, что всё плохое в мире, которое должно случиться, будет именно сейчас, когда луна полностью затмит старшего собрата. Ураганы, землетрясения, взрывы, поджоги, убийства – они валом обрушатся на землю, которая на мгновение станет беззащитной. Смерч сметёт городок, оказавшийся на пути, в каком-нибудь родильном доме увидит свет очередной маньяк, и на провинциальном кладбище мертвецы восстанут из могил.

Они уже восставали. Не мертвецы, но умершие и забытые тени, таящиеся в тёмной комнате сознания. Зашевелились, зашептали, выпустили кривые когти. Шерил этому почти не удивилась. В самом деле, лучшего времени нельзя было выбрать.

Шерил... тебя теперь так зовут, верно?

Высоко на почти чёрном небе окончательно погасло солнце, обнажив оранжевый полыхающий ореол вокруг чёрного круга. Затмение достигло апофеоза. Время остановилось.

Глава 11

– Вы это видели? – Кэрол задыхалась от восторга; глаза горели бесноватым огнём. – Бог ты мой, *вы это видели?* Я и не ожидала, что затмение будет ТАКИМ красивым!

– Да, красивое зрелище, – поддакнула Роуз, как всегда, сдержанно; но за чёрными очками чувствовалось такое же детское восхищение. – В-общем, не зря съездили, я так скажу.

Природа оправлялась от полученного шока. Цветы робко раскрывали лепестки, холодный ветер разочарованно умолкал, и самые смелые птицы подали голосок. Тень сползла с солнца, и оно светило, как ни в чём не бывало.

– И что, вам... совсем не было страшно? – отстранённо спросила Шерил, пока они шли к машине. Кэрол весело развела руками:

– Мне лично нет.

– А мне так, чуть-чуть, – сказала Роуз. – Когда появились звёзды... Жуть. Буду помнить до старости лет.

– А Шерил небось перепугалась? – Кэрол явно дразнила её. Она не ответила на эту шпильку, лишь мельком взглянула на лицо подруги. Так что Колин высказался за обоих:

– Ну уж нет. Нам было хорошо, как никогда. Правда ведь?

Она кивнула:

– Будь уверен.

Колин на секунду нахмурился, но в следующую секунду Кэрол постучала ему по плечу:

– Слушай, парень, у тебя ещё бутылочки остались? Все эти космические катаклизмы здорово иссушают горло.

– Есть пара штук, – он прибавил шаги, направляясь к ящику, который лежал на траве.

– Пиво, – бросила вдогонку Кэрол.

– Колу, – добавила Роуз.

– Пиво, – сказала Шерил, почувствовав давящее молчание.

Колин принёс им напитки, и они уселись в машину. К тому времени окружающая обстановка восстановилась полностью. Кэрол вздохнула, приложившись лбом к оконному стеклу:

– Это нужно было снимать на камеру.

– И без нас, наверное, сняли, – голоса с заднего сиденья доносились до Шерил гулко, как из горной пещеры. – Если хочешь, купи у кого-нибудь за бешеную цену.

– Я имела в виду совсем не это. Просто подумай, как здорово было бы...

Шерил покрутила в ладони бутылку, из которой так и не выпила ни капли. Колин затаскивал ящик обратно в багажник; она видела его сосредоточенную мину в зеркале заднего обзора. На какое-то время изображение – как и звук – размазалось, став разноцветным пятном на палитре. Совсем недолго, но когда она пришла в себя, Колин уже сидел рядом и брался за ключ зажигания. Шерил моргнула. Ну вот... опять время летит быстрее, чем кажется. Оно всегда обманывает её, начиная с того утра, когда утренний душ растянулся на полчаса. И кончая страшным мгновением затмения... только сколько оно длилось на самом деле? Секунду? Десять секунд? Как бы не так. В её восприятии темнота висела над Эшфилдом едва ли не *час*. Достаточное время, чтобы подумать. Достаточное, чтобы принять решение – одно-единственное, до смешного простое решение. Если бы она догадалась о нём раньше, то сполна насладились бы затмением, как Кэрол или Роуз, и ей не пришлось бы вести удивительно глупые разговоры с Колином, когда оба из рук вон плохо старались провести друг друга.

– Девочки? – позвала она громче, чем хотела. Щебет на заднем сиденье настороженно приумолк.

– Что?

– Как там с английской литературой в понедельник? Мистер Гаррисон выздоровел, или нам опять гулять половину дня?

Щуплый старик Томас Гаррисон вторую неделю валялся в больнице с переломом ноги. Студенты втихаря посмеивались – по слухам, несчастный

споткнулся на ровном месте посреди площадки для гольфа. Для хронического неудачника, кем был Т. Г., это было более чем характерно.

– Вряд ли его выпишали, – сказала Кэрл. – Пока снимут гипс, пока заново научится ходить... Меньше чем за полмесяца Гаррисона нам не видать.

Отлично, подумала Шерил. Значит, понедельник можно с чистой совестью пропустить – других важных предметов в этот день не было. Сегодня суббота, плюс воскресенье, да плюс понедельник... Три дня. Времени должно хватить – просто доехать на междугороднем автобусе до места (полдня), провести в городе день или около того, и приехать обратно – тоже полдня. В понедельник вечером она вновь окажется в кампусе без лишнего переполоха.

Тихий Холм.

– Поехали? – спросил Колин, положив руки на руль. Шерил решительно кивнула:

– Поехали.

Машина тронулась с места и поехала вниз по каменистой горной дороге, расшвыривая острые камешки из-под резины колёс.

часть вторая
РИСУНКИ НА АСФАЛЬТЕ

Глава 12

– Один билет до Тихого Холма, штат Мэн, – сообщила Шерил в застеклённое окошко. Кассирша окинула девушку равнодушным взглядом:

– До Тихого Холма билетов нет.

– То есть как нет? – возмутилась она.

– Билетов нет. Мэм, прошу вас не задерживать очередь.

– Минутку, минутку... – Шерил лихорадочно пыталась что-нибудь придумать.

Такого лобового препятствия она не ожидала. – А завтра... завтра билет будет? Или, может быть, вечером?

– Сожалею. В нашей компании уже полгода как отменены рейсы до Тихого Холма.

– Но почему? – Шерил понимала, что выглядит достаточно глупо.

– Так решило руководство компании. Мэм...

Шерил не стала более испытывать судьбу и отошла от кассы, извергая мысленные проклятия. В чём дело? Почему автобусы перестали ходить в Тихий Холм?.. Ведь в мире город оставался, хоть и безнадежно ветшающим, но всё-таки курортом.

С другой стороны, прошло два года. С тех пор многое могло измениться. Как там говорил Дуглас...

Здесь считай что никто не живёт. Все переезжают, и никто толком не может объяснить, почему. Странно, да?

Может ли современный американский город за какие-то двадцать четыре месяца превратиться в призрачное поселение, с пустыми окнами, безмолвными закусочными и другими атрибутами плохих вестернов? Шерил вспомнила грязный мотель, доживающий последние деньки, где они с Дугласом остановились во время короткого визита в Тихий Холм. В то утро на город пал туман, скрывающий дали, и она так никого и не увидела на улицах за всё время пребывания в городе. Но она была уверена, что на деле всё обстояло иначе, и пустой город, кишачий тварями не с мира сего, был лишь грандиозной иллюзией – влиянием на её многострадальную голову болезненных фантазий Алессы. Ведь пришло же всё в норму, когда кровавое действие кончилось, и она гнала машину по ночному шоссе, беспокойно поглядывая на покалеченного Дугласа, который забылся сном на заднем сиденье...

Туман растворился во тьме, превратившись в чистый ночной воздух, и она с невыразимым облегчением увидела на небе бриллиантовую россыпь звёзд. Боже, она думала, что никогда не вырвется из плена густой влажной завесы. Машина ехала по шоссе вдоль берега озера; фары светили из рук вон плохо, поэтому приходилось обуздывать в себе желание вдавить газ и пулей вылететь из гиблого местечка. Тем более что она и вела-то машину третий раз в жизни. Дома тёмными громадами обступали автомобиль. Она с удивлением заметила в иных окнах жёлтые огоньки. Неужели в этом городе могут жить и работать люди? После всего пережитого разум отказывался в это верить. Но потом на

пути встретила машина, спешащая в сторону маяка, и это развеяло последние сомнения. Для водителя этой машины Тихий Холм был обычным сонным городишком, замкнутым и консервативным, застрявшим на обочине мира. Таких поселений в Америке было великое множество. Только для избранных несчастных город показывал истинный облик, свой смеющийся звериный оскал. Счастливица, что тут сказать. Она с тревогой оглянулась на Дугласа. Тот ворочался во сне и бормотал бессвязные обрывки фраз. Состояние раненого опять ухудшалось. Она дала себе слово помчаться на всех парах, как только выедет на прямой участок дороги. Её надеждой был Плезант Ривер, разросшееся шахтёрское поселение в полутора часах езды. В больнице Дугласу окажут необходимую помощь. Ухватившись за тёплую мысль, она глядела на вьющуюся полосу асфальта, пока в свете фар не мелькнула проржавевшая табличка: «Вы покидаете Тихий Холм, лучший город Новой Англии. Возвращайтесь ещё – мы будем рады!». Она нервно хихикнула и толкнула рычаг передач вперёд.

Таково было её последнее прощание с родным городом. Как будто всё было только вчера...

Значит, это всё-таки случилось, и город опустел – да так, что уже отменяют рейсы. В любой другой ситуации Шерил бы только обрадовалась, но ей нужно было попасть в Тихий Холм. Не могла же она отправиться туда пешком.

А может, это такой знак свыше: не поезжай-ка ты, подружка, в этот город. Ничего хорошего тебя там не ждёт.

Вполне может быть. Раз уж даже простые жители, в глаза не видевшие прелести «обратной стороны», сбежали, как крысы с тонущего корабля, это могло означать только одно: по неведомым причинам Тихий Холм набирал силу. Это неявно чувствовали все, кто одним прекрасным утром паковал багаж и выезжал из чахнувшего курорта по мощёной камнем дороге. А она собиралась сунуться с головой в этот капкан, разверзший свою пасть. Шерил устало прислонилась к стойке.

Подумав, она снова встала в конец очереди и терпеливо дождалась, пока живая масса доплзёт до окошка. Лицо кассирши при её виде стало кислым, как лимон. Не давая ей времени заговорить, Шерил скороговоркой выпалила:

– Один билет до Плезант Ривера, штат Мэн.

Кассирша несколько секунд не отрываясь заглядывала ей в глаза, словно пытаясь понять, издевается эта нахалка над ней или нет, потом сухо сказала:

– С вас двадцать долларов пятьдесят центов. Каким рейсом поедете?

– Ближайшим, – ответила Шерил.

Глава 13

Когда телефон зазвонил третий раз за вечер, Кэрол не выдержала и громко выругалась. Она терпеть не могла назойливую трель звонка. Как-то раз она даже проявила инициативу по вечерам отсоединять аппарат от розетки. Шерил равнодушно пожала плечами, но Роуз такой расклад категорически не устроил. Так что телефон остался подключённым. Но сегодня вечером даже терпеливая Роуз постепенно доходила до белого каления. Кэрол яростно сорвала трубку с рычага и рявкнула:

– Алло!

– Привет, это снова я, – голос Колина звучал прямо-таки ангельски. – Шерил не вернулась?

– Колин, у нас давно отбой. Мы собираемся лечь спать, и были бы очень рады, если ты оставишь нас в покое, – зло процедила Кэрол. Голос Колина ни на йоту не изменился:

– Да-да, конечно. Извини. А Шерил...

– Ну нет её здесь, нет. И вряд ли уже придёт. Наверное, заночевала в другом месте. Она нам ничего не говорила, знаешь ли.

– Угу, – разочарованно отозвался Колин. – Ладно, больше звонить не буду. Спокойной ночи.

– Твоими молитвами, – бросила Кэрол, ещё не отходя от злости, и бросила трубку. Несколько минут в комнате стояла тишина: Кэрол вернулась к плееру, а Роуз читала учебник, лёжа на кровати. Наконец ей это надоело, и она со стуком швырнула книгу на стол. Кэрол вопросительно взглянула на неё.

– И что ты об этом думаешь? – спросила Роуз.

– О чём?

– А то ты не знаешь. О Шерил. Обо всей этой комедии со звонками.

– Что тут думать? – Кэрол горестно усмехнулась. – У девочки неотложные дела в другом городе. С кем не бывает.

– Но зачем ей скрывать это от Колина? Сказала бы парню, и все дела – как никак, бойфренд. Чувствую я, этот телефон раскалится докрасна за ночь.

– Ну... Ты же знаешь, у неё свои странности.

– В последнее время что-то слишком много, – Роуз смахнула пылинку с плеча. Кэрол нахмурилась:

– Что ты хочешь сказать?.. Это... – она замолчала, подбирая слова. – Думаешь, у Шерил есть кто-то второй?

Роуз с полуоткрытым ртом уставилась на неё, потом громко расхохоталась, вогнав Кэрол в пунцовую краску:

– Господи, да *нет* же! Иначе она вела бы себя совершенно по-другому, уж доверься моему опыту. Дело в чём-то другом. С тех пор, как умер Калифорнийский Старик, её будто подменили.

– Может, на самом деле он её незаконный отец? – неуверенно предположила Кэрол, заработав ещё один выразительный взгляд со стороны подруги.

– Вряд ли. Ты видела, как Шерил держалась сегодня днём, когда мы поехали на затмение? Она же спала наяву! Я вообще испугалась, как бы она не начала храпеть, когда я с ней разговаривала.

– Ну да, – согласилась Кэрол, – было что-то такое.

Они ненадолго погрузились в воспоминания, ещё не успевшие поблекнуть под ржавчиной времени. И найденное там их совсем не порадовало. Мерно гудел

холодильник на кухне. За окном на тёмном небе собирались тучи, которые к вечеру всё-таки осилили долгий путь до города.

– Знаешь, – нарушила молчание Роуз, – я бы сказала, что она чего-то – или кого-то – до смерти боится.

– Настолько, что сбежала, не сказав ни Колину, ни нам, куда держит путь, – подхватила Кэрл; на её чистом лбу появилась морщина. – Прямо детективный роман какой-то. Не увлеклись ли мы немножечко, а?

Она натянуто рассмеялась, но Роуз хмуро ответила:

– Может быть. Но посуди сама: мы не знаем о Шерил Мейсон считай что ничего. Она никогда не рассказывает о своём прошлом. Лишь повторяет из раза в раз, что детство провела в Портленде, потом с отцом переехала сюда. Из такого большого города, как Портленд, в самую гущу захолустья... Неспроста это.

– И ещё этот странный старик, – кивнула Кэрл. Смеяться ей расхотелось. – Господи, как я его ненавидела. У него такой тяжёлый взгляд... как будто видит тебя мёртвой, лежащей в гробу.

– Хотела бы я знать, что творится у неё в голове, – вздохнула Роуз.

– Ага. И ещё интересно, что Шерил на самом деле делала в Лос-Анджелесе. Помнишь, она жаловалась, что город просто ужасен? И прилетела уже какая-то повёрнутая...

– Помню, – Роуз стряхнула наваждение и решительно подняла учебник со стола. – Ладно, она же сказала, что вернётся в понедельник. Будем надеяться, так оно и будет. Мы всё равно не в силах ничего сделать.

Она хотела закончить затянувшийся разговор и углубиться в чтение, но Кэрл не собиралась отпускать её просто так:

– А что сказать Колину? Он же так и так будет трезвонить.

– А? – она с неохотой оторвала взгляд от ровных машинописных строк. – Ах Колину... Да ничего. Говори то, что велела Шерил: наверное, ночует у других подруг.

– Как будто у неё вагон «других подруг», – хмыкнула Кэрл. Роуз сделала вид, что не услышала, переводя взгляд со строки на строку. Она отлично поняла, что

хотела предложить Кэрол: рассказать Колину всё, как есть, включая то, что Шерил наказала ни в коем случае не сообщать ему, что она уезжает из города. Роуз на секунду тоже показалось, что так будет правильнее. Пусть Колин обижается, пусть приходит в ярость... главное, он обязательно попытается что-то предпринять, отыскать Шерил, а не валяться на диване, как они. Это важней.

Ну уж нет, возразила она. Я не могу так предать Шерил. Она попросила, и я выполню её просьбу. И Кэрол тоже нужно предупредить, чтобы не трепалась.

Но почему-то не сказала ни слова. Колин сдержал обещание: телефон за ночь больше не подавал голоса.

Колин медленно, почти сомнамбулически вернул трубку на место и так же не спеша перевёл взгляд на часы. Половина двенадцатого. Кампус закрыт на ночь; Шерил уже не вернётся. Нет смысла ждать и беспокоить девушек, если он не хочет нажить себе врагов.

Он встал и прошёлся по комнате, вслушиваясь в невыразимую, угнетающую тишину в доме. Он привык жить один, но сегодня вечером безмолвие этих стен давило на плечи. Он мог бы включить стереосистему, но знал, что легче не станет. Совсем наоборот.

Шерил, куда ты подевалась?

Как хорошо было в тот вечер – Денвер, мурлыкающий из колонок, и холодный лимонад, и алое покрывало, на котором возлежали они. И как плохо сегодня, с ощущением надвигающейся потери, посреди роскоши, дарованной родителями. Откуда взялось это ядовитое чувство? И когда?.. Колин сел на стул и попытался вспомнить. Когда он подъехал за девчонками в кампус, он был на седьмом небе. Во время восхождения на гору счастье только возрастало, потом... ну да, это началось в миг затмения, когда всё потемнело, поселив в сердце не тающую от жары льдинку.

Шерил, казалось, превратилась в манекен – когда он взглянул на неё, оторвав взгляд от чёрного круга на небе (была мысль поумничать с ней о солнечной короне), то увидел её, побелевшую как мел, и губы девушки едва заметно

шевелились. Он не на шутку перепугался, но не посмел ничего сделать – просто наблюдал за жуткой трансформацией возлюбленной, и его рука лежала на её талии, но ощущалось это так, будто он обнимает соляной столп. Прошла долгая минута, прежде чем яркий серп выглянул с другого края. Тогда Колин решился позвать её. Шерил вздрогнула, словно по лицу хлестнули плетью, и повернула голову. На кратчайший отрезок времени на оставалась безликим манекеном, но затем улыбнулась, снова став живым человеком. Колин чувствовал, как сам собой лыбится в ответ – от облегчения и радости, что минута темноты позади, и всё вернулось в круги своя.

Чёрта с два вернулось. Иначе он не сидел бы сейчас на кровати, нервно плясая на пол, с накипающим желанием разнести в клочья весь интерьер. Колин порывисто вскочил и вышел в гостиную. В эту секунду он был готов бросить всё: зайти в гараж, оседлать «додж» и понестись в дебри ночи, чтобы отыскать Шерил. Лишь огромным усилием воли он заставил себя образумиться. Ничего страшного не произошло. Шерил нет в кампусе, да... но разве это повод, чтобы так ёрзать? Она сама говорила, в конце концов...

Не стоит так убивать себя. Нервные клетки, они не восстанавливаются. А ты мне с мёртвыми нервами не нужен.

Он принял холодный душ и почистил зубы, надеясь, что в голове прояснится. Холод действительно помог, но Колин полагал, что это ненадолго. Поэтому поспешил выключить свет и улечься на постель. Нужно просто сомкнуть глаза и уйти в беспамятство. Утром он наберёт номер, и подруги скажут, что Шерил давно пришла и спит на своей кровати.

Колин вздохнул и лёг на спину. На потолке колыхались тени от кустов, растущих под окном. В этом движении усматривалась какая-то гармония, как в сложном ритмическом танце. Пляска теней увлекала, вновь поднимая волну невеселых мыслей.

Что, если он утром позвонит, а Шерил не будет?

Что, если она завтра не вернётся в кампус?

Что, если она вообще не вернётся?

Где она сейчас? Что с ней происходит?..

Одно Колин знал точно: он не будет сидеть сложа руки. Если утро обманет ожидания, он поедет на поиски Шерил. И найдёт, чего бы это ни стоило. Он не даст ей уйти...

Глава 14

Спать в автобусе – дело не из лёгких. Шерил надеялась выспаться по дороге в Плезант Ривер, но вскоре поняла, что с этим делом просчиталась. Автобус нещадно трясло и кренило в поворотах. Почти каждый час он останавливался, высаживая и принимая пассажиров, которые поднимали раздражающий шум и толкотню. Яркий свет ламп резал глаза: оказалось, освещение в салоне не выключают всю ночь. В довершение всего сзади расположилась на редкость шумная компания стареющих мужичков, они громко перешёптывались, то и дело взрываясь хохотом. Всё это вкупе с возбуждённым состоянием самой Шерил создавало отвратительные условия для сна. Первые полтора часа она честно пыталась перебороть все тяготы на пути к забвению, потом махнула рукой и стала вяло изучать проносящийся мимо пейзаж. Картина не отличалась оригинальностью: лишь мелькающие стволы деревьев и кроны, на которых осень успела нанести жёлтую краску. С этой стороны луны не было видно, зато на ночном небе матово блестели несколько светлых облаков.

На третьем часу сосед по креслу, до этого пристально всматривавшийся в зелёную книжку карманного формата, деликатно кашлянул. Шерил посмотрела на него. Это был полноватый мужчина в синей демисезонной куртке с запоминающимися ярко-зелёными глазами. Определить возраст соседа Шерил затруднилась. Вроде бы не старый, но уже не юноша...

– Извините, – сказал мужчина, – у вас случайно нет с собой таблеток от укачивания? У меня небольшое головокружение...

– Нет, – сухо ответила Шерил. Сзади в очередной раз гурьбой рассмеялись.

– Пытаетесь заснуть? – доверительно спросил сосед. – Тогда извините, если помешал.

Шерил пожалала плечами и мотнула головой назад:

– С такими не особо уснёшь.

Мужчина кивнул, небрежно засовывая книжку в карман:

– Оно и верно. Эти ночные поездки отнимают у человека два года жизни. Стараюсь без крайней необходимости не садиться на ночные рейсы.

Сейчас мне полагается спросить, почему тогда он едет этим рейсом, догадалась Шерил о хитроумном плане собеседника. Следовало угрюмо кивнуть и отвернуться от разговорчивого соседа, пресекая все попытки завязать разговор, но она подумала: зачем?.. Всё равно делать нечего, за окном однообразный пейзаж, а до пункта назначения ещё ехать и ехать.

– Значит, у вас сейчас как раз крайняя необходимость? – спросила она. Мужчина засиял, посчитав маневр успешно завершённым:

– К счастью, в хорошем смысле. У сына завтра свадьба, а я приехал в Эшфилд только этим вечером. Пришлось взять «красный глаз».

– Что-что? – Шерил недоумённо вскинула брови.

– «Красный глаз». Так называют поздние рейсы из-за габаритных огней, – объяснил мужчина. – Видимо, вы много не путешествуете.

– Это верно, – ответила она, удивляясь искусности этого человека завлекать в сети разговора. Последним пассажем были открыты ворота к вопросу о том, почему у неё такая спешка – и куда, – раз она не дорожная охотница. Предупреждая такой поворот, Шерил быстро заметила:

– Да, я же совсем забыла вас поздравить со свадьбой сына.

– Вот за это спасибо, – мужчина расцвёл снова. – Кстати, моё имя Филлип.

– Шерил, – представилась она. За стеклом пронёсся полосатый дорожный шест. Дорога пошла ухабистая, то и дело автобус резко опускался вниз, вызывая неприятное ощущение в солнечном сплетении.

– Вы местная? Из Плезант Ривера?

– Нет, я там... проездом. Хотя раньше бывала в этом городе.

– А я никогда не был, – сказал Филлип. – У меня здоровье плохое. Мэнский климат мне не годится. Зато сын в этих краях почти всю жизнь. Сначала жил не в Плезант Ривере, а в городе по соседству, но полгода назад переехал, и вот уже играет свадьбу. По такому случаю я послал свой бронхит куда подальше и встал на путь.

Шерил, до этого воспринимавшая слова соседа как назойливый комариный писк, резко обернулась – так, что Филлип подался назад на кресле. Его зелёные глаза неувовимо расширились.

– Вы говорите, жил в городе по соседству?

– Д-да, – немного растерянно сказал Филлип. – В Тихом Холме. Странные названия у здешних местностей, должен заметить.¹

Шерил неопределённо кивнула, раздумывая над услышанным. Разговорчивый сосед перестал играть на нервах. Похоже, он мог кое-как восполнить белое пятно в её хронометре длиной в два года.

– А почему ваш сын переехал? – спросила она и поспешно добавила:

– Понимаете, вообще-то Тихий Холм – мой родной город. Туда я и еду. Просто интересно, чем вашему сыну не понравился город.

Филлип улыбнулся, как показалось Шерил, с облегчением:

– Да, конечно. Надеюсь, вы не обидитесь за плохие слова о вашем городе. Джон говорил, что в городе жить стало невозможно.

– То есть как это? – она затаила дыхание. – Не понимаю...

– Ну, поначалу я тоже посоветовал ему не страдать ерундой. Мне ли не знать все чудачества сына. Но Джон сказал, что решение он уже принял и мой голос ничего не решит. Такой уж он самостоятельный. Знаете, в детстве чего только не вытворял. Однажды Джон забрался на крышу нашего дома...

Чёрт, вздохнула Шерил и напомнила:

– А город...

– Да-да, вы уж извините, меня всегда заносит, – Филлип виновато встрепенулся; компания на заднем ряду устроила очередную революцию смеха.

¹ Плезант Ривер (англ. *Pleasant River*) – Река Удовольствий

– В-общем, я потребовал объяснений, и он сказал, что в Тихом Холме слишком темно.

– Темно?

– Да. Целыми месяцами висит очень плотный туман, такой, что не видно солнца. А в ваши времена тоже так было?.. – он вопросительно взглянул на девушку.

– Да, припоминаю. Город стоит у озера, и туман бывает часто.

– Это первое. А во-вторых, Джон заявил, что город очень странный и там слишком много людей пропадают без вести.

– Ага, – выдала Шерил. Филлип понял это по-своему:

– Согласен, паранойя полная. Но если Джон что-то вбил себе в голову, это надолго. Он говорил, что не хочет жить в городе, где туристы пропадают толпами... Вы, наверное, знаете, что Тихий Холм раньше был курортом?

– Конечно. Я думала, он и сейчас курорт.

– Увы, – Филлип развёл руками. – Город вычеркнули из туристических справочников несколько лет назад, и теперь редкая птица залетает в эти края. Работы нет – это очередная причина, по которой все переезжают...

– Так что же получается, – она ощутила омерзительный холодящий комок в груди, – город сейчас покинут?

– Точно не знаю. Джон сказал, что в их квартале он был одним из последних. Извините, не хочу вас огорчать, но...

– Всё нормально, – она изо всех сил пыталась сохранить непринуждённый тон. – Просто я слишком давно не была в родных местах.

– Ну, наверное, люди там ещё есть, – неуверенно промолвил Филлип, лишь чтобы поддержать её. – Не могут же все уехать... Потом, Джон говорил, что ещё пару лет назад всё было хорошо, даже туман был не такой густой.

Пара лет. Она вновь повернулась к чернеющим стволам, которые мелькали в темноте. Кто знал, что дело обернётся так.

Ты всё ещё хочешь туда, Шерил? – победно спросил голос рассудка. – *Может, стоит подумать ещё раз? Тебе уже не семнадцать лет, ума могло бы и прибавиться.*

Пустой город, город её кошмаров и размытых снов. В первые месяцы после той ночи Тихий Холм часто являлся к ней во снах – со своими монстрами и безумными людьми, но чаще всего – с безлюдными мостовыми, свежими каплями тумана и прибрежными волнами, плещущимися у ног. Эти сны были наполнены умиротворением, а не страхом, но пугали её больше, чем кровавые кошмары... потому что они были *прекрасны*.

Признайся, Шерил, зачем ты едешь в Тихий Холм? Только честно.

Я уже сказала. Я возвращаюсь, чтобы упокоить похороненных заживо.

– Шерил, с вами всё в порядке? – в голосе Филлипа звучало беспокойство. Она улыбнулась через силу:

– Немного укачало. Пройдёт.

Удивительно, но разговорчивый сосед ответил молчанием. Значит, на то были причины. Вроде бы нужно радоваться, что её наконец оставили в покое, однако Шерил почувствовала себя неуютно. Она не видела ничего хорошего в том, что остаток ночи пройдёт в настороженном обмене взглядами. Годились любые альтернативы...

Она повернулась к Филлипу со всей заинтересованностью, какую могла изобразить:

– Кстати, вы говорили, что у Джона свадьба. Может, немного о нём расскажете?

Филлип расплылся в добрейшем плотоядном оскале, который предвещал не меньше часа глубинной семейной истории. Шерил вздохнула и приготовилась слушать.

Глава 15

В восемь утра Колин осмелился позвонить в общежитие. По сонному голосу Кэрол сразу стало ясно, что ему особо не рады. Поэтому он не стал долго распинаться.

– Шерил не вернулась? – спросил он, едва отзвучало эхо собственного приветствия.

– Нет, её нет, – Кэрол отреагировала на удивление спокойно. – Колин, вообще-то сегодня выходной, и мы хотели пос...

– Да, я знаю, – он криво усмехнулся. – Извини.

И бросил трубку. За секунду до того, как он оторвал мембрану от уха, ему показалось, что Кэрол что-то хочет сказать, но Колин отмёл это предположение как абсурдное. К тому же он уже знал, что делать.

Итак, худшие опасения сбылись. Шерил до сих пор нет, и это может означать только одно: что-то случилось, что-то нехорошее. И у него есть шанс потерять эту удивительную девушку в самом начале пути...

До хруста сжав красный маркер, Колин наклонился над письменным столом. На ней лежала карта восточного побережья, часть карты США, которая до сегодняшнего утра пылилась в ящике стола. Уже второй час Колин до рези в глазах всматривался в крохотную чёрную точку среди нежной зелени лесов. Одна-единственная точка у берега большого озера – и над ней всего два слова минимальным шрифтом.

Тихий Холм. Именно эти слова прошептала Шерил в тот памятный вечер, прежде чем погрузиться в сон. Они осели в памяти свинцовыми каплями и дали о себе знать сегодня утром, когда он ворочался на постели без сна. У Колина не было бы шансов разгадать их сокровенный смысл даже на смертном одре, если бы не случайность – одна из тех, что меняют мир. Майк, однокурсник Колина, как-то раз рассказывал друзьям о поездке в курорт Тихий Холм. И посоветовал никогда – *слышите, никогда!* – не думать об уик-энде в этом городе.

Стрёмный город. Туман, словно сам Бог опорожнился... и все кабаки безлюдные, как в вестернах. И тёлок нету. Зря съездил, в-общем.

Колину всё стало ясно. И если он не вскочил на «доджа» в ту же секунду, то только потому, что в душе тлела надежда. Последний звонок перечеркнул всё.

Он коснулся кончиком маркера заветной точки. Ближайшие города – Брамс и Плезант Ривер. Брамс на карте выглядел крупнее, но через кружочек Плезант Ривера проходила жирная синяя линия, извивающаяся в мэнских дебрях. Федеральная автострада номер 19. Автострада – это хорошо; значит, можно будет добраться без проблем. Колин вывел неровную кривую от Тихого Холма до Плезант Ривера. Дальнейшее выглядело просто. Автострада стрелой пронизывала почти все штаты Новой Англии и проходила всего в двадцати милях к югу от Эшфилда. Если верить масштабу – полдня езды, и он будет в Плезант Ривере. А оттуда рукой подать до паршивого курорта...

Ты не уйдёшь, Шерил. Что бы ты ни задумала, ты не уйдёшь. Я еду за тобой.

Колин поднял голову, которая изрядно потяжелела за эту ужасную ночь, и посмотрел в окно. Солнце только поднималось, окрашивая деревья в розовый цвет. Начиналось свежее воскресенье – лучший день недели.

Глава 16

Выспаться в автобусе Шерил не удалось, поэтому она завалилась в постель, едва сняв номер в мотеле Плезант Ривера. Не помешало ничего – ни вода, назойливо капающая из крана в ванной, ни громоподобная музыка в соседнем номере. Шерил положила голову на подушку и забылась глубоким сном. За окном вставало солнце.

Когда она открыла глаза, свет в окне успел смениться на пряно-жёлтый, возвещающий, что день переходит в предвечерье. Ей стало не по себе. Не улыбалась перспектива подъехать в Тихий Холм в тёмное время, хоть она и считала, что в городе её не ждёт ничего ужасного.

Она взяла со шкафчика наручные часы. Половина четвёртого. Если поторопиться, то можно добраться до города где-то к шести. Два часа, и она уже

едет обратно. Десять вечера – Шерил Мейсон снова здесь, в номере мотеля, ложится на постель, свободная от теней прошлого. План заманивал простотой.

Значит, в путь.

Она вышла из номера и спустилась в кафе, где наспех сжевала салат и пару гамбургеров, потом вышла из мотеля и поймала машину до таксопарка. В таком мелком городишке должны были найтись люди, подрабатывающие рейсами вне городской черты. Шерил полагала, что найти автомобиль не составит особых проблем. Тем больше было её удивление, когда в углу площадки, предназначенной для дальних маршрутов, она увидела лишь три колымаги явно не свежего года выпуска. У крайнего слева зелёного автомобиля было красноречиво снято колесо. Превозмогая плохое предчувствие, Шерил подошла к чёрному «форду» с одной разбитой фарой. Выемка фары зияла пустотой, как выбитый глаз.

– Чего нужно? – вяло заинтересовался небритый мужчина, неохотно выключив радиоприёмник. Шерил заглянула в открытое окно и уловила кислый запах лука.

– Мне нужно в Тихий Холм. Не подбросите?

– Моё корыто так далеко не потянет, – заслышав пункт доставки, водитель мгновенно потерял к ней всякий интерес. – Если сломается по пути, то будем сидеть сиднем посреди дороги. В тех краях пустовато, знаешь ли.

– Да-да, понимаю, – Шерил поспешно отошла от «форда», чувствуя на спине мрачный взгляд водителя. Опять не везёт. Остался единственный вариант – чёрный «жук-фольксваген» на дальнем конце площадки. К счастью, водитель «жука» и сам автомобиль выглядели вполне опрятно. Увидев девушку, мужчина с лысеющей макушкой убрал газету и засиял рекламной улыбкой:

– К вашим услугам, мэ. По доллару за милю, и старина Ллойд доставит вас на край света.

– Край света мне ни к чему, – Шерил улыбнулась. – Мне бы лишь до Тихого Холма.

Это и есть край света.

– Довольно далеко, – мужчина прекратил зазывающе скалиться, и она испугалась, как бы не остаться совсем без транспорта.

– Плачу в полтора раза больше.

– Дороги там плохие, – водитель с сомнением постучал по баранке. – К тому же город заброшен, и возвращаться придётся порожним рейсом. Вот в Брамсе ещё можно было...

Шерил вздохнула и взглянула на часы. Уже за четыре. Времени всё меньше.

– Ладно, плачу вдвое, – сказала она. – Плюс обратный путь.

Водитель мгновенно оживился:

– Это уже дело. Присаживайтесь, мэм, и мы полетим быстрее пули.

– Не помешало бы, – Шерил обошла машину, снова ощущая на себе прожигающий взгляд водителя «форда». Солнце незаметно клонилось на запад. – Мне нужно вернуться пораньше. Сколько времени займёт поездка?

– Ну, если эта гребаная дорога снова не обвалилась, час с лишним туда и обратно. Всё зависит от того, сколько вы пробудете в вашем Тихом Холме.

Это не мой Тихий Холм, едва не вырвалось у неё. Шерил плотно сжала губы и села на жёсткое кресло, обитое синей тканью. В кабине витал приторный аромат освежителя воздуха. Сам освежитель в форме зелёной ёлочки раздражающе маячил под потолком перед глазами. Водитель завёл мотор, заставив корпус автомобиля затрястись. Пару секунд он внимательно изучал её взглядом, словно ожидая, что Шерил ему что-то скажет, но она выразительно молчала, всем видом выказывая нетерпение. Что-то бессвязно буркнув под носом, мужчина тронул машину с места. Оставляя на площадке голубоватый дым, «жук» выехал на улицу.

Примерно через полчаса из редкого потока машин на таксопарк свернул серый «додж» и припарковался возле сломанного «бьюика». Водитель «форда» жевал резинку и лениво наблюдал, как из салона вылезает молодой парень явно не из здешних мест. Он сразу не понравился водителю – в первую очередь потому, что машина парня загораживала вид на торговый центр напротив, куда входили и выходили женщины.

Постояв в нерешительности, парень зашагал к «форду». Водитель уменьшил звук радио. Долго дискутировать с пижоном он не собирался – раз он на своих колёсах, то ему до него нет никакого дела.

Парень заглянул в салон:

– Извините, давно здесь стоите?

– А тебе, собственно, какое дело?

– Я ищу одну девушку, – сказал парень. – Думаю, она брала здесь машину. Не видели?

– Ничего я не видел, кроме твоей паршивой колымаги, – отрезал водитель. – Был бы очень рад, если бы ты убрал её с глаз долой.

– Но она должна была... – парень в растерянности заморгал, потом вдруг засунул руку в карман. – Слушайте. Вот вам десять долларов, и скажите правду. Дело жизни и смерти.

Водитель внимательно изучил зелёную бумажку, которая появилась в ладони парня. Настоящая десятка. Похоже, девка сбежала от парня, и он мчится за ней на всех парах, словно она единственная на свете. Трогательно. Он криво усмехнулся и взял купюру:

– Припоминаю. Была у меня какая-то блондинка. Справлялась, не отвезу ли я её до Тихого Холма.

– И вы не отвезли? – с надеждой спросил парень.

– Надо это мне. Тихий Холм – проклятый город, сынок. Я своей дозы дерьма там уже нахватался. Теперь меня туда за уши не затащишь.

Парень испуганно заморгал:

– Проклятый? Что вы имеете в виду?..

Ничего не ответив, водитель начал отворачиваться от собеседника к заветному приёмнику. Тот резко подался вперёд, махнув перед самым носом ещё одной ассигнацией:

– Говорите, на какой машине она уехала. И как давно.

Водитель страдальчески взглянул снизу вверх на настырного типа, увидел его дрожащие губы, покрасневшие, глубоко впавшие глаза. Ничего не говоря, он

взял купюру, засунул в бездонный карман брюк и начал с ленцой объяснять. Когда закончил, парень кивнул и вернулся в свою машину, не попрощавшись. Водителю показалось, что его немного шатает при ходьбе. «Додж» судорожно рванулся вперёд и влился в уличное движение. Водитель провожал его взглядом, пока машина не скрылась за поворотом. Он не понимал, что влечёт приезжих в Тихий Холм. Но знал, что не пройдёт и недели, как новая порция ничего не смыслящих придурков будет вымаливать у него путёвку до Тихого Холма. Он отказывал... но они всё равно что-нибудь придумывали. Всегда.

Глава 17

Когда автомобиль пересёк невидимую черту, разделяющую город от леса, и суета улиц осталась позади, Шерил почувствовала себя лучше. Спокойнее. Если она до сих пор была в чём-то не уверена, то теперь преисполнилась мысли, что всё будет хорошо и она приняла правильное решение.

Дорога круто сворачивала, сгибалась вверх и вниз, как лента серпантина. Садящееся солнце мелькало между густыми рядами деревьев, но до соприкосновения с горизонтом было ещё далеко. На дороге не было видно ни одной машины – видимо, всё-таки не зря сын Филлипа решил переехать. Шерил думала, что знакомая местность пробудит в ней страх, может, даже панику, но она вовсе не узнавала эти места. Два года назад она проезжала мимо этих морщинистых стволов, но тогда стояла ночь и видимость ограничивалась парой-тройкой ярдов. На большее свет фар не был способен. Сейчас она была этому только рада.

Господи, подумала она, я еду в Тихий Холм.

Водитель следил за дорогой, не обращая на неё ни малейшего внимания. Вопреки обещанию «полететь быстрее пули», он вёл «жук» довольно медленно, опасаясь поворотов. Даже на такой божеской скорости машина иногда резко

падала в ухаб, и обоих жестоко трясло. Водитель ругался, проклиная дорогу. Шерил отмалчивалась.

У дороги показалась синяя табличка с номером. Из неё Шерил поняла, что до заветного города осталось пятнадцать миль. Полчаса, или чуть больше, и она опять увидит те самые мостовые и проулки. Родной город... Удивительно – при этой мысли в груди растекалась тёплая волна ностальгии. Такое было недопустимо. Тихий Холм никогда не был ей родным городом. Для Шерил он оставался неперсонифицированным злом, чудовищем в облике сонного поселения. А сейчас...

Ладно, хватит. Что мне нужно – просто приехать, прогуляться по улицам, убедиться, что всё кончилось и мне ничего не угрожает. Это будет конец.

Конец. Так всё и будет – последний гвоздь в крышку гроба ненужных воспоминаний. Она слишком долго пряталась – с самого рождения, когда отец носился из штата в штат, укрывая её от взора города. Но в итоге дело всё равно кончилось той страшной ночью... Она не допустит повторения нелепой игры в прятки. Ей ничего не грозит, под крышкой гроба не похороненные заживо, а лишь гниющий труп прошлых дней. Всё позади.

Бояться нечего. Клаудии и её свиты больше нет. Алесса ушла. Бог умер, я её убила. Никого не осталось. Даже... Дугласа.

Вот что мешало ей избавиться от глупых иллюзий раньше – Дуглас, который всегда мог позвонить, зайти проведать её, своим существованием доказывая реальность прошлого. Как это ни жестоко, теперь Дугласа нет, и единственный оставшийся свидетель – она, Шерил. Если ей удастся убедить себя... пусть худо-бедно, но убедить...

Поэтому она возвращалась. Увидеть своими глазами, что угроза, если была, то испарилась, и ржавые оковы больше не опутывают душу. Пройтись по пыльным улицам, почувствовать, что Тихий Холм всего-то ПУСТОЙ ГОРОД, и ни капельки больше. Кому-то, может, он ещё покажет свои острые зубы, но с Шерил он наигрался сполна.

– Идиот, – мрачно заметил водитель. Шерил вздрогнула от неожиданности:

– Что?

– Если будет так гнать, то точно навернётся, – водитель мотнул головой на зеркало заднего обзора. Шерил с изумлением увидела там яркие глазницы фар. Автомобиль действительно мчался на полной скорости, угрожая вылететь в кювет. Кто-то ехал в Тихий Холм.

Надо же, я здесь не одна такая безумная... Мысль развеселила Шерил, она испустила короткий смешок. Водитель никак не отреагировал, лишь прижал «жук» к обочине, чтобы освободить путь для лихача. Шерил следила за тем, как автомобиль догоняет их, и слышала натужный рёв мотора. Странно, она где-то уже слышала этот приглушённый рокот. Точно слышала.

Подъехав на расстояние двух-трёх ярдов, автомобиль неожиданно сбросил газ и нетерпеливо мигнул фарами. В натягивающемся над лесом покрывале полумрака мигание фар выглядело жутко, почти демонически. Шерил вдруг ощутила колючий страх внутри себя – совершенно необъяснимый и неконтролируемый.

– Чего он хочет? – недовольно протянул водитель, не сводя глаз с зеркала. Человек, скрывающийся за слепящим сиянием фар, ещё раз нажал на рычаг, бросая «жук» то в свет, то в тень. Шерил, и то поняла смысл недвусмысленного сигнала. Он требовал остановиться.

– Вроде бы не легавый... – водитель вдруг обернулся к Шерил, приковав её к сиденью холодным взглядом. – Ты, часом, ничего не натворила, девочка?

– Я? – голос дрогнул. – Н-нет...

Надрывный гудок пронёсся над вечерним лесом, оглушая мелкое зверьё. Машина рванулась вперёд и поравнялась с ними. Теперь они могли разглядеть её получше. «Додж» цвета сухого асфальта с тонированными задними стёклами. Шерил вспомнила, как перекатывались камушки под его колёсами во время пикника на гору.

– Колин? – вырвалось у неё. Она зажмурилась, чтобы нелепая галлюцинация исчезла. Но знакомый рокот мотора никуда не делся.

«Жук» свернул на правую обочину и остановился с громким скрежетом, сдирая шину об асфальт. Водитель злобно смотрел на растерянную Шерил, и она догадывалась, какими эпитетами он её мысленно награждает.

– Ну, что скажешь? Это за тобой?

– Похоже, что да. Послушайте... подождите, я просто... поговорю и вернусь, хорошо?

– Только побыстрее, – отрезал водитель, с ненавистью глядя на Колина в его несоразмерной джинсовой куртке, который выскочил из «доджа». В окружении чернеющих лесов Колин смотрелся донельзя маленьким и потерянным.

Шерил открыла дверцу. Мысли совершенно запутались, она не знала, что делать и о чём думать. Почему Колин здесь? Как он выследил её?.. Неужели подруги разболтались? Но ведь никто, кроме неё самой, не знал, что она едет в Тихий Холм. Колина здесь *не должно* быть. Это не входило в её планы.

Увидев её, Колин лихорадочно бросился вперёд:

– Шерил!.. Всё-таки догнал...

– Что ты здесь делаешь? – растерянно спросила она.

– Ехал за тобой, – он дышал тяжело, волосы лежали спутанным клубком, глаза горели. – Не надеялся догнать, но...

– Колин, *какого чёрта?*

Он запнулся, отступив назад под волной её ярости. Глаза потухли, и он весь как-то сник. Словно только что осознал, что они вдвоём не в саду кампуса, а у черта на куличиках в лесу за десятки миль от колледжа.

– Шерил, я... – он нерешительно замолчал, потом всё-таки продолжил через силу. – Я беспокоился о тебе.

– Беспокоился? И поэтому стал за мной шпионить? – Шерил начала закипать. Пара дней, ей нужна была только *пара дней*, чтобы в последний раз остаться одной и покончить с прошлым. Она была близка к этому, так близка... Но где там – Колин, который смотрит на неё с просто-таки мальчишеской обидой, загораживает дорогу, становясь тёмной тенью на фоне фар своей машины.

– Шерил, я просто хотел... я подумал...

Она оглянулась, бросила взгляд на водителя, который многозначительно наблюдал за парочкой через стекло. На пустой дороге гулял ветер. Шерил вздохнула и отбросила прядь волос, упавших на лицо.

– Ладно, – сказала она устало, – тогда скажи, как ты меня выследил.

– Может быть, ты не помнишь... ты сама мне сказала...

– Неужели? – она приподняла брови. – И где же? Что-то не припоминаю.

Колин рассказал ей. Про то, как он спросил, когда она засыпала, чего она боится, и она ответила, проваливаясь в сон. *Тихий Холм*. Он рассказал, как ломал голову всю вчерашнюю ночь и в конце концов вспомнил, где он слышал это название. По мере того, как Колин говорил, досада и сумбурная ярость, охватившие Шерил, стихали, уступая место чувству вины. Она почувствовала себя виноватой перед Колином, что своими необдуманными действиями вызвала в нём столько беспокойства. В конце концов, он любил её... и эта сумасшедшая гонка по лесам была лишним доказательством, насколько сильной была эта любовь.

Колин замолчал и вопросительно посмотрел на неё, чуть отступив назад, словно боялся, что она его ударит. Шерил тяжело вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Я могу тебе всё объяснить Колин... потом. Что будем делать *теперь*?

– Не знаю, – взгляд Колина сместился за её спину, где в полутьме светились фары «жука», как глаза огромного животного. – Но если ты хочешь попасть в Тихий Холм, Шерил, почему бы тебе не пересечь ко мне? Я могу...

– Нет, – отрезала она, не медля ни секунды. И тут же добавила, боясь, что он её не услышал. – Нет.

Нельзя, ни в коем случае нельзя подпускать Колина к этому городу на расстояние пушечного выстрела. Это худшая услуга, которую она может ему оказать. У неё свои счёты с городом, Колин ни при чём. Она почему-то знала, что город с радостью примется за дорогого ей человека, как только сможет – в отместку ей, за то, что несмышлёная девчонка когда-то вырвалась из его плена.

– Но почему, Шерил? – Колин казался удивлённым. – Если у тебя там какие-то дела, то я...

– Нет, Колин, – она беспомощно смотрела на него, надеясь, что он углядит в глазах немую мольбу. Но надвигающаяся пепельность и снопы электрического света, бьющие спереди и сзади, мешали им видеть друг друга.

– Леди, я жду! – вдруг подал голос водитель из ярко освещённого салона. Шерил инстинктивно обернулась, и Колин сказал – тихо, но очень решительно:

– Я тебя не отпущу, Шерил. Ни за что.

– Колин, я... – она запнулась. Слова иссякли, как вода в пересохшем колодце. Внезапно захотелось плакать.

Ну что, что делать?

Она смутно почувствовала, как Колин проходит мимо неё и направляется к «жуку». Видела, как он заглянул к водителю и сказал несколько слов. Свист ветра в лесу набирал силу, превращаясь в жуткое подобие детского плача. Водитель кивнул. Колин достал из кармана бумажник и отсчитал ему пару купюр. Напоследок одарив Шерил мрачным осуждающим взглядом, водитель подал автомобиль назад. «Жук» с удивительной маневренностью развернулся на узкой полосе асфальта и взвизгнул, набирая скорость. На мгновение зажглись и погасли красные тормозные огни, заставив Шерил зажмуриться. Колин стоял на месте серым столбом, и она с ужасающей ясностью поняла, что это тоже проделки города. Неизвестно как, но сила Тихого Холма распространилась далеко за его пределы... и он не хочет, чтобы она вернулась. Город не хочет её отпускать. Ему приятнее видеть её похороненной заживо, в наглухо заколоченном гробу.

Прекрати этот собачий бред. Что за дурная привычка во всём винить этот занюханый городишко. Ты сама подставилась.

– Пошли к машине, Шерил, – мягко сказал Колин, взяв её за руку. – Здесь холодно. Ты можешь простудиться.

– Что будем делать? – отстранённо спросила она, позволяя ему увлечь себя навстречу яркому свету фар. Как всё просто закончилось. Они вернутся в мотель, проведут там ночь, и вечером следующего дня снова кампус...

– Поедем в Тихий Холм, – Колин раскрыл перед ней дверцу.

– Мне уже не нужно, – сказала она, усаживаясь на сиденье. Было приятно оказаться вновь в тёплом салоне с едва уловимым ароматом горького одеколona. Пока Колин обходил машину, она прикрыла глаза и представила, что будет, если она скажет ему всё, как есть.

Так в чём дело, Шерил?

Понимаешь, Колин... Дело в том, что два года назад я родила в этом городе Бога. Бога, да. Но ты не волнуйся – я сама её убила, и потом ещё хорошенько попинала, чтобы не возвращался. Всё в порядке...

Как несправедливо, что нельзя просто сказать правду, зная, что Колин поверит ей... Он не поймёт. Даже если поймёт, то, рассказав ему, она снова вдохнёт жизнь в умирающую историю. У событий той ночи станет одним свидетелем больше.

– Ты точно не хочешь?..

Она вздрогнула и судорожно дёрнула плечом, как в нервном тике. И отчаянно закивала, не в силах вымолвить ни слова. На секунду ей показалось, что она всё-таки не выдержит и расплачется прямо здесь, перед своим отражением на лобовом стекле. Но она выдержала.

– Хорошо, – перед затуманенными глазами появилась синяя крышка от термоса, наполненная дымящейся розоватой жидкостью. – Выпей, Шерил. Ты вся дрожишь. Согрейся. Я захватил термос с горячим чаем.

– Колин, мне не...

Крышка легко и воздушно переключивалась на подставленную ладонь. Шерил почувствовала её тепло на кончиках пальцев. Ароматный дымок защекотал ноздри. Она почувствовала невыразимую благодарность к Колину – за то, что он находится здесь, с ней, в этот угасающий в тёмно-розовом мареве вечер. Обида и злость, осаждавшие душу, куда-то испарились. Шерил даже осторожно подумала, что, может быть, нет никакой необходимости посещать снова этот

город, ей хватит и Колина, его любви, чтобы убить окончательно фантомы двухлетней давности. Поразмыслив над этой многообещающей темой, она слабо улыбку и поднесла крышку к губам. Чай и в самом деле был горячий, он даже немного обжигал губы, но она не отставила крышку, выпила душистый напиток до дна, ощущая приятное горчичное на языке. Колин облегченно выдохнул и принял опустевшую крышку обратно. Шерил откинулась на спинку сиденья, наблюдая, как он закручивает термос и ставит его обратно на пол. Чай словно растекался теплой волной по каждой жилке, наполняя умиротворением и сладкой истомой.

– Поедем, – сказала она. Язык повиновался с трудом.

– Да, поедем, – согласился Колин, глядя вперед, на прямую дорогу, которая скрывалась за возвышенностью. Его голос звучал глухо. – Всё-таки скажи мне, Шерил... почему ты так стремишься в этот город?

– Какая разница?... – она хотела, чтобы это прозвучало возмущенно и капризно, но слова вырвались вялые и бесформенные. Голова тяжелела, словно набитая свинцом. Салон автомобиля медленно, но очень раздражающе вращался вокруг неё, не давая сосредоточиться. *Господи*, подумала Шерил. *Я заболела. Может, даже заработала пневмо...*

– Разницы никакой, – сказал Колин. Теперь она испугалась по-настоящему: голос Колина прозвучал, словно доносился из глубин бездонного колодца, прокатываясь болезненными раскатами в голове. Шёпот обрушился градом камней, больно бьющих по ушам. Шерил ощутила, что не может пошевелить ни одной частью тела.

Мы едем в Тихий Холм.

Кто это сказал?... Колин? Разве это его голос, писклявый и растянутый во времени? Она лихорадочно сжала подлокотник кресла, словно надеялась ухватиться за ускользающую ткань реальности. Но салон всё равно уплывал куда-то далеко, оставляя её в темноте. В последний миг она увидела, как Колин наконец оторвался от созерцания сумрака за окном и посмотрел на неё. Он улыбался – смущенно и мягко, как всегда, но Шерил ощутила, как по её шее

проходится острое лезвие ужаса. Веки опустились сами собой, уши набились ватой, и она безвозвратно потерялась в тёмных лабиринтах пустой тьмы.

Глава 18

Шерил не знала, сколько длилось забытие. В какой-то момент поймала себя на том, что видит под веками яркий зелёный свет, идущий волнами, как абсент в хрустальном бокале. Одновременно разболелась голова, словно в череп с расстановкой вбивали ржавый семидюймовый гвоздь. Веки распухли и слиплись – поднимая их, она ощутила резкое жжение. Хотела протереть ладонью глаза, но руки не повиновались.

Она снова увидела собственный образ на стекле. На этот раз за стеклом была пелена ночи, лишаящая возможности видеть. По тряске и рокоту мотора Шерил догадалась, что «додж» продолжает движение.

– Что... – она закашлялась, когда засохший язык коснулся нёба. Кашель в свою очередь взорвал горло болью.

– Проснулась? – это спросил Колин. Он по-прежнему восседал на водительском кресле и вёл машину. Шерил с трудом скосила глаза в его сторону. Она ничего не понимала. Последнее, что память сохранила чётко – тормозные огни уезжающей машины, которые вспыхнули и погасли, как глаза дьявола. А дальше... что было дальше? Почему так болит голова? Словно туда впили полтонны свинца...

Она вновь попыталась оторвать руки от подлокотников (впервые почувствовав раздражение, что пассажирское кресло в «додже» Колина оснащено этой старомодной и громоздкой деталью). Руки не шевелились. Она озадаченно взглянула на них и увидела прозрачные полосы клейкой ленты, пересекающие запястья и локти. Там, где лента впилась в кожу, бледнели выцветшие струйки вен.

Что случилось? Зачем?..

– Не пытайся высвободиться, – заботливо посоветовал Колин. – Только силы потратишь. Я читал, что лента держит даже крепче, чем корабельная бечёвка.

Шерил непонимающе вслушивалась в слова, продолжая медленно, по кусочкам восстанавливать события в памяти. Они пошли к машине... Колин спросил, и она ответила, что больше не хочет в Тихий Холм. А потом... да, он предложил ей согреться и выпить чай из термоса. И ей стало плохо.

– Ты... – выплёвывая по слогам, шёпотом, почти неслышимо. Колину пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать. – Ты что-то... подмешал...

– Фенобарбитал-плюс, – кивнул он. – Купил в аптеке Плезант Ривера. Главное – правильно подобрать дозу. Если переборщить, можно не проснуться. Но не волнуйся, я отмерял тщательно. Сейчас, наверное, у тебя раскалывается голова, но это пройдёт.

– Колин... ты... – голова и в самом деле трещала по швам при каждом слове; ей приходилось морщиться и стискивать зубы. – Зачем?

Она всё ещё не понимала, что произошло. Это было похоже на плохой сон – только что она направлялась в город с последним визитом, потом хлоп, и вот она здесь, связанная по рукам, отравленная сильнодействующим снотворным, что подсыпал человек, которого она любила. Более сюрреалистичной зарисовки нельзя придумать.

Колин снова переключил внимание на дорогу. Разделительная полоса мелькала в жёлтом свете, пунктиры сливались в сплошную линию.

– Постараюсь тебе объяснить, – сказал он. – Не думаю, что ты поймёшь... но хотя бы попытайся. Для меня это важно.

Он вписался в поворот, сбросив скорость почти до нуля. В конусе света перед машиной Шерил мельком увидела стволы деревьев, обступающих дорогу вплотную, как армия молчаливых стражей. К горлу подкатила тошнота липкой плотной массой.

Господи, меня сейчас вырвет. Прямо здесь.

Она глубоко вдохнула и задержала дыхание, не давая судорожным порывам диафрагмы взять верх. Колин меж тем продолжал говорить, тихо, безжизненно, но отчётливо:

– Представь себе парня, который с мальчишеских пор находился в поисках истинной любви. И не находил. Не подумай, я вовсе не хочу сказать, что девчонки меня чурались... смею полагать, большинству из них я даже представлялся симпатичным. Несмотря на привычку одеваться не по моде. Но всё это было ненастоящее, Шерил. Ненастоящее... Понимаешь?

Желудок вернулся в спокойное состояние, снова выпятив на передний план свербящую боль в голове. Но в целом Шерил почувствовала себя гораздо лучше, чем пару минут назад. Так что она могла вслушиваться в слова Колина чуть более подробно. И с каждой секундой апатия и недоумение уступали место негодованию.

– Колин, – она облизнула пересохшие губы, – о чём ты говоришь, чёрт побери? Развяжи меня. Немедленно.

– Не могу, Шерил, – Колин грустно улыбнулся. – Так надо, поверь мне.

– Если это глупая шутка, то я...

– Не шутка. Шерил, можешь просто дослушать меня?

– Да иди ты!.. – она задохнулась от ярости. – Мне наплевать, что ты хочешь рассказать! Развяжи меня, *сейчас же!*

В последнем выкрике она окончательно потеряла контроль над собой, и в слова ворвались неприкрытый страх и мольба. Колин промолчал. На шоссе не было видно ни одной машины. Здесь всё ещё тянулась лесополоса.

– В-общем, – ровно продолжил Колин, как ни в чём не бывало, когда отзвуки её крика растворились в тишине салона, – меня абсолютно не устраивало то, что могли дать мне девушки, с которыми я встречался. Сам не знаю, чего именно я от них хотел... Но знаю одно: я это нашёл. Нашёл *в тебе*, Шерил.

Вновь эта странная – печальная и нерешительная – улыбка затронула его губы, и она вдруг поняла: *Да он псих. Колин – сумасшедший!*

– Помнишь наш первый разговор? – спросил Колин. – В библиотеке. Я стоял за тобой, видел со спины... но сразу понял, что ты – та самая, которую я искал. Звучит банально, но... Господи, знала ты бы, что я чувствовал! Я набрался смелости и спросил, какую книгу ты хочешь взять. Помнишь?

Разумеется, Шерил помнила. Помнила потную духоту библиотечного помещения и вселенскую скуку, навеянную сорока минутами простоя в очереди. И тут чей-то смущённый голос сзади обратился: «Извините, какую книгу вы хотите получить?». Она обернулась, чуть раздражённо и уж во всяком случае не в настроении заводить дискуссии. Но слова застряли в глотке, когда она увидела говорящего. Потом Шерил много думала, что же всё-таки в этом вполне заурядном парне сразило её наповал – открытое простодушное лицо, небрежность, кажущаяся нарочитой, или эта кроткая, того и гляди исчезнет, улыбка. Скорее всего, решила она в конце концов, всё вместе. Колин смотрел на неё, она – на него, они глазели друг на друга, как пара придурков, ничего не говоря. Наконец Шерил нашла в себе силы разлепить губы и выдала гениальную фразу: «Э-э...». Так началось их знакомство – просто и обыденно, чтобы вырваться к этому скомканному повороту в лесных дебрях между Тихим Холмом и Плезант Ривером.

– Колин, прошу тебя...

– Я был так рад, что наконец нашёл тебя, – его глаза мечтательно блестели; Колин не слышал её. – И рад до сих пор, хотя это не то слово... Я счастлив, Шерил. По-настоящему.

Он выдержал паузу и добавил:

– Я считаю, тебе должно быть приятно.

Шерил уже прекратила безуспешные попытки вырваться или докричаться до него, и обмякла на кресле, отстранённо наблюдая за дорогой. Но последнее замечание Колина вновь поддуло в ней потухшее было пламя гнева.

– Колин, ты меня слушаешь?

– Да, Шерил. Я слушаю.

– Может, мне *было бы* приятно... было бы, если не эта гребаная лента. Освободи меня, Колин. Хватит. Чем быстрее...

– Сначала дослушай меня. Потом я подумаю. Договорились?

Она внимательно вгляделась в его лицо, которое казалось в этом неестественном освещении ликом восковой куклы. Колин не смотрел на неё: «додж» ехал по резко сужающемуся участку, и он перевёл всё внимание на вождение. Шерил на мгновение закрыла глаза.

Ладно. Пусть болтает, что хочет. Потом он развяжет меня, и тогда...

Тогда что? Она убежит от него в вечерний лес? Или набросится с боевым кличем и отправит в глубокий нокаут эффективным апперкотом?

... видно будет.

– Я продолжу?

– Валяй, – глухо сказала она. Безднадёжность была сродни подгнившей крыше, которая обвалилась вместе со струнами дождя.

– Хорошо. На чём я остановился... – Колин на секунду нахмурился. – Ах да, о счастье. Да, я был на седьмом небе. Но вместе со счастьем пришёл и страх. Сначала я отталкивал его, уверяя себя, что это глупо, но страх не уходил. Я боялся, что однажды ты уйдёшь и я потеряю тебя безвозвратно... навсегда. *Навсегда*, Шерил! Представляешь, каково осознать это?

Он рывком обратил лицо к ней, и всё выражение мгновенно переменялось: спокойствие сползло, как жухлая маска, открыв оцепеневшей от ужаса Шерил сверкающие панические глаза, искривленный приоткрытый рот, щёки, горящие нездоровым румянцем. Казалось, даже волосы Колина встали торчком в этот миг перевоплощения, словно через него пропустили электрический ток. Она почувствовала, как задрожали кисти рук.

О Бог ты мой...

– Если я потеряю тебя, то где найду вторую такую? – Колин почти кричал; она до боли в пальцах стиснула подлокотники. – Ты сама не знаешь, насколько ты удивительна! Потерять тебя – это... это...

– Колин, прекрати.

– Шерил, если бы я потерял тебя... – он наклонялся всё ближе и ближе к ней, перекрывая свет лампы. Машина резко вильнула на совершенно ровном участке дороги, но даже перспектива потерпеть аварию не показалась Шерил такой уж страшной по сравнению с Колином, нависшим над ней чёрной тенью.

– *Колин!* – закричала она. – Ты меня пугаешь!

Он осёкся, какие-то доли секунды ещё пожирал её пламенеющим взглядом, потом подался назад, на место. Лицо снова стало спокойным, словно ничего не было. Но Шерил уже не верила этой иллюзии. Она увидела, что скрывается под маской. И ей хватило сполна.

– Извини, – глухо сказал Колин. – Просто вырвалось. Я хотел, чтобы ты поняла... поняла, как сильно я тебя люблю. И как сильно боюсь потерять тебя. Теперь это неважно. Я знаю способ, как одолеть страх.

Она молчала, отсутствующе глядя на дорогу. Сердце сжало в калёных тисках. Справа снова промелькнула табличка, но Шерил не успела разобрать на ней цифр.

Куда он меня везёт?

Вопрос рвался из горла, но Шерил боялась его задать. Её вполне устраивало, что Колин молчит.

Я знаю способ, как одолеть страх.

– Ты меня слушаешь, Шерил? – спросил Колин. Она вздрогнула:

– Да-да. Я слушаю.

– Хорошо. Я просто хотел сказать, что мы едем в Тихий Холм.

Шерил посмотрела на него, выискивая в карих глазах шутку или хотя бы огонёк издевательства. Но ничего не нашла, кроме знакомого лихорадочного блеска. Колин не шутил, не издевался. Они действительно направлялись в Тихий Холм.

– Зачем? – вопрос выполз змеящимся шёпотом, как выходит пар изо рта в морозную погоду.

– Этот город заброшен, Шерил. Я наводил справки – уже почти год в нём никто не живёт. И знаешь, я почти уверен, что это твой *настоящий* родной город. Скажешь нет?

Не получив ответа, Колин удовлетворённо кивнул и продолжил:

– Так или иначе... не знаю, почему ты туда ехала, но для наших целей это самое подходящее место. Я не хочу потерять тебя, Шерил...

– Ты это уже говорил, – сказала она холодно. Все мысли в голове словно умерли, не сходя с мест.

– Да, говорил, – Колин не стал возражать. – Есть только один верный способ не терять – обрести. Обрести раз и навсегда. Там ты будешь моей, Шерил... навсегда. Всё будет красиво. Я обещаю.

– Ты хочешь убить меня, – сказала она. Получилось обыденно и просто, словно она сказала: ты собираешься сменить масло. Или: ты собираешься сходить за покупками. Она почти не почувствовала страха – возможно, потому, что в душе давно обо всём догадалась. В тот миг, когда увидела перекрестья липкой ленты у себя на руке.

Колин потупился, как провинившийся школьник. Это он умел.

– Я бы не сказал так. Я не хочу делать тебе больно или что-то в этом роде...

– Ты собираешься убить меня.

– Да, – сдался он. – Извини. Но я люблю тебя.

Шерил могла бы послать его со всей своей извращённой любовью куда подальше, но вместо этого снова принялась изучать нескончаемую ленту разделительной полосы за стеклом. Колёса крутятся, наматывая на себя милю за милей, и с каждым оборотом они становится ближе к Тихому Холму, над которым потихоньку опускается вишнёвая тьма. И когда они доедут, Колин убьёт её. Обещает, что всё будет красиво. Что ж, мило.

– Так ты хочешь в Тихий Холм? – спросила она с незаметной усмешкой, зная, что Колин не слышит её. – Хорошо. Поедем в Тихий Холм. Поедем...

Глава 19

Оставшуюся дорогу в салоне «доджа» царило молчание. Колин вёл машину и казался вполне нормальным. Пару раз Шерил даже приходила мысль снова попросить его освободить её, но она этого не сделала. Колин в лучшем случае проигнорирует её просьбу. А в худшем – снова начнёт свой нескончаемый монолог про то, как сильно он её любит. Взамен этого она увлеклась попытками прочесть цифры на дорожных столбах, которые медленно, но верно вели обратный отсчёт. Семь... шесть... пять... четыре...

Табличку с тройкой она не увидела – на обочине одиноко голосовал лишь наклонившийся столб. Должно быть, табличка упала. Скоро лес кончится, уступая место первым городским кварталам. В душе что-то беспокойно заворочалось, зародыш паники поднял голову, но она решительно заставила его вернуться в нору. Шерил не хотела бояться. Она сознательно затормаживала в голове образы и мысли, вгоняя себя в апатичный полусон. Пока вроде удавалось... но всё равно она чувствовала, как с каждой секундой щёки становятся горячее, и кровь в жилах бежит быстрее, за исключением кистей, где нарушенное кровообращение уже давало о себе знать – кожа побелела и начала терять румяный оттенок.

За минуту до столба, обозначающего вторую милю, Колин подал голос:

– Твой отец был писателем?

Шерил удивлённо посмотрела на него. Колин не мог знать, кто её отец – она никому об этом не говорила. Едва не спросила: *Откуда ты узнал?* – но заставила себя заткнуться.

– «Невинная луна», это его книга?

Молчание. Колин покосился на Шерил:

– Я точно не знаю, но вот подумал. Я много читаю... а эта книга попала на распродаже прошлым летом. Гарольд Мейсон, «Невинная луна», в твёрдом переплёте. От издательства «Даблдей». На заднем переплёте написано, что мистер Мейсон живёт в Портленде. Учитывая год издания, всё сходится... Я угадал?

«2». Ещё один блик в царстве ночи, покосившийся и с соскобленной краской. Шерил на мгновение зажмурилась.

– Хорошая книга, – продолжал Колин; впрочем, теплота обыденной беседы уходила из его голоса. – Красочные описания, и сюжет очень интересный. Если это действительно твой отец, то он был настоящим мастером. Ну скажи, это он?

«Невинная луна». Шерил хорошо помнила книгу в синей обложке, которая стояла на почётной верхней полке в их доме. Отцу она была особенно дорога потому, что была одной из двух его книг, написанных до смерти матери. Шерил иной раз видела, возвращаясь домой, как отец сидит, раскрыв книгу на коленях, но не читает, а просто смотрит на страницы, будто каждая из них превратилась в далёкую белоснежную туннель. И каждый раз в глазах стояли слёзы, скупые, но горькие. Из-за этого она ненавидела «Невинную луну». Книга стала для маленькой Хизер символом печали и потаённого зла – призраком прошлых лет, заключённым в синий переплёт. Насколько она помнила, она ни разу не прикасалась к этой книге, не говоря уже о том, чтобы читать.

... а вот Колин прочитал. Она подумала – это неправильно, когда какой-то сумасшедший недоумок за чашкой чая перелистывает страницы, куда отец некогда вложил всю горечь и обиду из-за болезни матери. Всё равно что украд частичку жизни...

«1». Уже скоро... И ряды деревьев потихоньку размыкают свой насыщенный строй.

– Да ладно тебе, Шерил, – хмуро сказал Колин. – Почему ты не хочешь разговаривать?.. Я что, изверг какой-нибудь? Разве я намеренно причиняю тебе боль? Я же просто хочу... хочу, чтобы всё было правильно. Ну же, Шерил.

Она ничего не сказала. Странное, гудящее ощущение заполонило её. Шерил поняла, что вот-вот она ворвётся на территорию города, от которого напрасно скрывалась два года. Случилось это совсем не так, как она хотела, но суть дела не менялась. Нескончаемая белесая линия вела в Тихий Холм.

Вот он. Прямоугольный металлический щит, обезображенный тёмно-коричневыми потёками. Карусель и улыбающееся солнце над сворой детишек.

Белоснежные улыбки карусельных лошадок скосила ржавчина, пробивающаяся сквозь краску. Когда-то весёлая картина теперь навевала жуть. Шерил впиалась взглядом в убористую надпись под щитом: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТИХИЙ ХОЛМ, ЛУЧШИЙ ГОРОД НОВОЙ АНГЛИИ. НАСЕЛЕНИЕ – ...». Выдвижная ниша, цифры на которой должны были меняться каждый год, пустовала.

– Приехали, – радостно сообщил Колин.

Дорога стала шире, по обе стороны появились ограждения, не дающие машинам съехать вниз. Лес ещё продолжался, но Шерил знала: несколько сотен футов, и «додж» выедет на обозревательную площадку с видом на озеро. В прошлый раз в округе висел туман, и им с Дугласом так и не удалось полюбоваться на гладь воды. Впрочем, не сильно и хотелось.

Кстати, а почему сегодня совсем нет тумана? Шерил с тревогой посмотрела на боковое окно, но увидела там лишь чистую, прозрачную темноту и последний вечерний свет, угасающий над армией деревьев. Никакого тумана.

Колин сбросил скорость, сворачивая направо, где успела появиться заветная площадка. Она ни в чём не изменилась: та же самая серая балюстрада у края, и стены туалета испрещены надписями цветным маркером. Полутьма брала своё – очертания предметов на асфальтовом прямоугольнике расплывались, потихоньку меняя формы. А может, содержание тоже.

Колин припарковал машину у самого края, так, что из кабины был виден блеск волн озера, прокатывающихся под лёгким ветерком.

– Я сейчас вернусь, – сказал он со смущением. – А тебе придётся немного потерпеть. Извини.

Шерил не ответила. Колин не спешил выходить из кабины: он уставился на неё с каким-то неудобным, прожигающим насквозь интересом. При иных обстоятельствах она бы шутливо возмутилась: «Что такое, у меня нос не на том месте?», – но сейчас сочла за благо проигнорировать этот болезненный взгляд.

– Как же я люблю тебя, – прошептал Колин наконец голосом, от которого она снова ощутила острое дуновение ужаса. В голосе не было ничего особенного... только нежность и любовь, как бывало в лучшие моменты их пребывания вместе.

И это было страшнее всего – Колин *всегда* был таким, с первого дня их знакомства, а она не замечала. Не замечала излишне рьяных попыток удержать её возле себя, его параноидального беспокойства.

Как же я люблю тебя.

Не обижайся, я вовсе не пытаюсь контролировать твои шаги, но...

Но помни, близок день, когда я совершу страшную месть.

И этот день настал, не так ли? День, когда он сможет присвоить её себе, как одну из своих роскошных вещичек, подаренных богатыми родителями. Только затем, чтобы она никому не досталась – лишь ему...

Колин скрылся в темноте. Шерил вяло задвигала руками, которые окончательно онемели. Липкая лента, столь хорошо растягивающаяся в фильмах, даруя героям шанс на спасение, на деле оказалась не слабее стальных прутьев. Интересно, об этом-то Колин откуда узнал?.. Шерил устало вскинула голову, посмотрела на лампу, освещающую салон. И обречённо подумала: *Я проиграла. Больше меня ничто не спасёт. Ничто.*

Неудобство, невысказанность, так раздражавшие Колина, никуда не ушли, даже когда он ступил в тёмную прохладу туалета. Здесь никто давно не был, но кислый запах ещё не выветрился из стен. Вкупе с прогорклым ароматом затхлости и заброшенности это создавало странное ощущение, в чём-то возвращающее его в детские года.

Справив нужду, Колин подошёл к зеркалу, который в отсутствие света казался тёмным прямоугольником. Покрутил заржавевший кран над раковиной (тот пронзительно заскрипел, заставив его поморщиться), но, конечно, воды не было и в помине. Так что Колин просто стоял, глядя на место, где при лучшем освещении мог быть он сам, отражённый на пыльной поверхности. Может быть, оно и к лучшему. Может, ему не нужно видеть себя сейчас...

Он поднял руку и коснулся пальцами правой стороны шеи, словно желая убедиться в своем существовании. Горячая жилка артерии то появлялась, то исчезала.

Сегодня, подумал он. Сегодня Шерил станет его частью навека. И ему не нужно будет больше бояться потерять её. Как можно потерять то, что всегда с тобой?.. Предвкушение приносило трепет, смешанный со страхом. Приходилось глубоко вдыхать неприятно пахнущий воздух, чтобы сердце не выскочило из груди в сумасшедшем ударе.

Она будет моей.

Нет, сказал кто-то в голове с отвратительной убеждёностью. *Всё выглядит не совсем так, дружище. Ты просто собираешься её убить, вот и всё.*

Он отпрянул назад от зеркала.

Не убить. Всего лишь позволить слиться со мной. Чтобы мы всегда были вмес...

Ну да, все эти рассказы. Ты талдычишь эту чушь каждую ночь.

В этом беспощадном голосе явственно проступали язвительно-ироничные интонации, которые появлялись иной раз у Шерил, когда она бывала особенно недовольна.

Я не сделаю ей больно. Всё будет лучшим образом. И потом, я же ДЕЙСТВИТЕЛЬНО люблю её. Ты знаешь.

Знаю уж, да. Будь уверен.

В глубине чёрных простор зеркала что-то мелькнуло; какое-то неощутимое, мимолётное движение. Колин, чьи нервы давно находились на острие, резко оглянулся, но не увидел ничего, кроме липкой темноты, заточенной между стенами туалета. Он опять посмотрел на зеркало. На этот раз там всё осталось спокойным, но облегчения это не принесло. Колин был уверен, что *видел* это шевеление. Будто в туалете был кто-то помимо него, кто-то, прятавшийся всё время, таясь и выжидая...

Глупости. Боже мой, какие глупости. Если дело и дальше пойдёт так, то всё кончится нервным срывом, и только. Ему нужно держать себя в руках. Ведь нынче великая ночь, и этот пустой город сегодня ночью его город. Вернее, их... с Шерил.

Но что-то было не так. Колин опять начал всеми порами тела чувствовать это. Дело не в нём. Дело во всём, что его окружает – в необычной, слишком тихой песне ночного леса, в озере, которое меланхолично плещется там, внизу, в Шерил, в чьих глазах он в какой-то момент увидел знание чего-то такого, о чём не знает он. Колин почти испугался, почти отступил, когда на её губах появилась эта пугающая усмешка, отдающая злобным торжеством. Всего лишь миг...

– Всё будет хорошо, – сообщил Колин невидимому двойнику в зеркале. – Слышишь, парень? Всё будет о'кей.

Словно насмехаясь над его словами, в тёмной глубине отражения снова что-то зашевелилось... и где-то далеко-далеко, за многими милями, раздался заунывный вой пожарной сирены.

Глава 20

Она не поверила. Их не могло здесь, им неоткуда было взяться. Если бы руки были свободны, она ущипнула себя за щёку или закрыла уши ладонями. Но она не могла этого сделать, и слух воспринимал всё до боли хорошо.

Сирены начали свою песнь неспешно, набирая обороты с расстановкой, как голодные волки, которым после многодневного молчания дали шанс повыть на луну. Сначала один голос, потом два, и наконец, целый хор, жаждущий крови.

– Нет, – прошептала она в темноту окна. – Нет, нет, нет.

Но какая-то её часть была охвачена ликованием при этих жутких металлических звуках, возвещающих пришествие иного мира в позднелетнюю ночь – та самая, что усмехнулась и прошептала: «Так ты хочешь в Тихий Холм? Хорошо. Поедем в Тихий Холм».

На лобовое стекло «доджа» попала первая тяжёлая капля дождя. Шерил вздрогнула и повернула голову. Воды озера Толука уже не мерцали за балюстрадой. Только сплошная чернь.

Колин выскочил из туалета, пинком распахнув дверь. Она с превеликим удовольствием увидела на его лице неприкрытый страх. Одним прыжком он

достиг машины и открыл дверцу. К тому времени дождь уже сменился мелким градом. Прогрохотал гром, как пустая бочка, катящаяся по небосводу.

– Что случилось? – спросил Колин срывающимся голосом, стараясь перекричать приближающийся вой сирен. – Что, чёрт возьми, происходит, Ше...

Шквальный порыв ветра не дал ему договорить. Машину, не поставленную на ручник, слегка отнесло назад под чудовищным напором. Колин осёкся, отступил назад, схватившись за дверцу. Крупная градинка ударила его по лицу, заставив вскрикнуть от боли.

Похоже, кто-то в ярости, подумала Шерил.

– Шерил? – Колин рассеянно потирал ушибленную щеку. Глаза неотрывно смотрели на неё – большие, округлые, испуганные. Ещё один раскат грома. И ни одной молнии.

– Добро пожаловать, – буднично отозвалась она, решив, что игра в молчанку больше ни к чему. – Добро пожаловать в мой родной город... ублюдок.

– Что... – Колин снова не сумел закончить; слова иссякли, когда лампа в салоне автомобиля затухла, словно кто-то выворачивает газовый кран. Ещё мгновение Шерил видела в неверном подрагивающем свете побледневшее лицо бывшего возлюбленного, потом всё погрузилось во тьму, раскидываемую на осколки ударами града. Она рассмеялась, громко и хрипло, чувствуя, как в тёмных глубинах души распускает лепестки чёрный цветок. Приступы смеха лезли один на другого, не давая дышать, и она никак не могла остановиться.

Колин в молчаливом изумлении наблюдал за ней, потом она услышала, как он резко обернулся, не сходя с места. Градинка невероятных размеров отскочила от окна, пустив по стеклу паутину трещин.

– Кто здесь? – спросил Колин дрожащим голосом. Шерил прямо-таки видела, как он в паническом ужасе смотрит в хлещущий холодный ливень, и вода стекает по его волосам, щекам и одежде; и по мере того, как он понимает, что это не плод воображения и в темноте кто-то действительно прячется, глаза становятся шире, и ноги начинают трястись. Шерил упала лбом на бардачок, заходясь в очередной волне хохота. Ну ни в какую не могла перестать.

Кого ты там видишь, Колин? Неужто себя самого? То, чем ты являешься на самом деле?

– Спроси ещё раз! – выдавила она сквозь истерические слёзы. – Спроси ещё раз, может, тебе ответят!

Колин ничего не говорил – продолжал стоять, впиваясь взором во тьму, где (теперь это слышала и Шерил), что-то неспешно двигалось, издавая влажное чавканье. Дыхание Колина теряло ритм; она почти физически ощущала его желание убежать... вот только убежать было некуда.

Колин закричал.

Его крик – страшный, совершенно нечеловеческий – окатил Шерил ледяным душем. Смеяться мгновенно расхотелось; она сжала руками подлокотники и рванула локти вверх в отчаянной попытке вырваться. Ничего не получилось. Сукин сын привязал её крепко.

Колин вломился в машину, плюхнулся на водительское кресло. Непослушными пальцами попытался повернуть ключ в замке зажигания, но мотор не издал свой характерный рокот. Минуту назад Шерил бы нашла это невероятно смешной, но теперь она вместе с Колином страстно желала, чтобы «додж» ожил. Чавканье становится ближе. К нему примешивался какой-то хрустящий звук, не менее омерзительный.

Ключ пронзительно звякнул, ударившись о пол – видимо, пальцы изменили Колину и вытащили ключ из замка. Грянул новый раскат грома, расколовший пополам небо и землю. Шерил пришла в уверенность, что на этот раз она полностью оглохла.

– Г-господи... – Колин нагнулся за ключом, но в темноте найти крохотный кусок металла не представлялось возможным. Когда нечто, прячущееся за стеной ливня, коснулось машины, издав скрежет, рвущий барабанные перепонки, он не выдержал и резко выпрямился. Шерил до жжения в спине вжалась в кресло, моля Бога, чтобы всё хотя бы кончилось быстро. Одно радовало: она умрёт не одна, а в компании с этим сумасшедшим выродком.

Чавканье заглохло. Она открыла глаза. Дождь продолжал идти, гром в отдалении грохотал почти непрерывно... но звуки прекратились. Только шум дождя, прогибающийся потолок машины. Асфальт превратился в скопление чёрных змеящихся ручьёв. Сирены тоже ушли.

Неужели это всё? Мы снова вернулись в реальный мир?

Она почувствовала, как влажная и холодная рука Колина легла ей на колени, и дёрнулась от отвращения. Чёрт, лучше бы они остались там навсегда...

– Шерил, ты в порядке?

Невероятно – в его осипшем голосе было искреннее беспокойство. Но и животный страх тоже.

– Убери руку, – отрезала Шерил, оглядываясь по сторонам. Копья дождя пронизывали темноту, разбиваясь о землю.

– Что?

– Руку – вон.

Чуть помедлив, ладонь пропала с колен. К громадному облегчению Шерил.

– Мама родная, что эт... – Колин вдруг остановился, прислушался. – Господи, ты слышишь? Слышишь?..

Совсем рядом... на расстоянии пары шагов. Неведомое существо продолжало ползти к ним.

– Этого не может быть, – шёпотом заявил Колин с интонациями капризного ребёнка, говорящего: «Я так не играю». Шерил подумала, что самое время попросить освободить её от пут. Паника здорово выбила Колина из колеи, так что он мог пойти на это. Но она не успела ничего сказать – Колин метнулся к бардачку и одним движением вывалил всё содержимое на пол салона (что-то тяжело стукнулось о носки её ботинок). Прежде чем Шерил успела что-то сообразить, в небогатом свете сверкнуло огнём острое лезвие. Нож. По её ногам пробежал холодок.

Этим он и собирался меня...

... и собирается.

– Колин, – очень тихо сказала она, не отрывая глаз от хищного блеска, – не надо.

– Что? – он глядел на неё в недоумении, неуклюже выставив нож перед собой. И это чавканье, отвратительное чавканье... оно продолжалось. Оно почти настигло их.

– Не надо.

Взгляд Колина переметнулся на нож, и вдруг он широко улыбнулся, при том что его безостановочно трясло с ног до головы:

– Не бойся. Это не для тебя. Сейчас – не для тебя. Это для него.

Он взялся за ручку дверцы. Что-то грубо опять коснулось машины, заставив кузов покачнуться на рессорах. Окно машины превратилось в большое размытое пятно воды.

– Колин, не выходи! Иначе оно войдёт...

Колин посмотрел через плечо на неё, ничего не понимающую, с остервенением борющуюся с падающими на глаза волосами. Он сиял всё той же неестественно широкой улыбкой в тридцать два зуба:

– Может, я и хочу убить тебя, Шерил. Но знаешь, что я скажу?.. Это несколько не мешает мне любить тебя. Веришь?

И, заговорщицки подмигнув, распахнул дверцу, впустив внутрь холод и воду. Крылья ветра вполне могли унести человека в последний полёт. Колин вышел из машины, низко нагнувшись, сжимая в руке нож, который в обрамлении разбушевавшейся стихии казался детской игрушкой.

Слишком быстро. Шерил закрыла глаза, не желая видеть творящееся вокруг сумасшествие. Всё несётся слишком быстро, и не стоит искать объяснений. По крайней мере, сейчас.

– Ну так кто здесь? – кричал Колин там, за стеной воды и тьмы. Ветер пресекал и искажал его голос. – Эй, я думал, тут кто-то есть. Неужели я ошибся?..

Чёрт возьми, он окончательно свихнулся.

– Эй, кто там прячется, я тебе говорю...

Молниеносное движение. Она не могла видеть, но тем не менее ощутила в полную меру. Может, шевеление воздуха при броске монстра, может, знаменитый «третий глаз»... Шерил буквально увидела, как чудовище делает рывок вперёд, к Колину, слепо размахивающему ножом посреди мокрой темноты. *Слишком быстро*, да, так оно и есть – всё происходит слишком быстро, чтобы даже самый внимательный человек успел отреагировать. Рукоятка ножа задевает что-то мокрое и склизкое – среднее между кожей и чешуёй, – и в следующую секунду оружие вылетает из руки Колина и исчезает во тьме, бешено вращаясь. Он выпучивает глаза, отказываясь верить такому исходу, но придётся, потому что через мгновение...

– Аа-а-а!!!

Губы Шерил зашевелились, не издавая ни звука: она читала выученную в детстве молитву, старательно вспоминая каждое слово, потому что слова норовили утечь горячим песком сквозь сито. Просто читать молитву, не думать о Колине, не думать о том, что будет с ней самой через минуту, когда тварь расправится с ним...

– ... нет! Госп... аа-а-а!..

Шерил закусила нижнюю губу, чтобы не закричать в унисон с Колином. Нить молитвы потерялась – она больше не могла ни о чём думать, слушая эти звуки, прорывающиеся сквозь рёв Колина: рвущиеся, влажные, сосущие. С каждым таким звуком крик прерывался, чтобы снова зайти октавой выше. Машина закачалась от мощных ударов.

– Шери... – Колин надсадно закашлялся. На мгновение повисла тишина, потом он снова вскрикнул, на этот раз слабее. Ещё один глухой стук и тонкое журчание, словно от протекающего пакета с молоком. – Ше... не...

Скорее, взмолилась Шерил, чувствуя, как горячие слёзы катятся вниз по щеке. *Ну же, скорее.*

Удар по корпусу машины. Возмущённый скрип рессор. Увядавший шёпот, в котором уже трудно различить человеческий голос, но Шерил знает, что этот голос пытается назвать её имя.

Удар. Хруст, как от переломленной жареной картофелины.

И тишина, нарушаемая нескончаемой дробью дождя.

Не открывай глаза. Заткни уши... хотя бы представь, что заткнула. Потеряй сознание...

Тварь приближалась. Шерил знала, что ей не удастся лишиться чувств и сделать свою кончину милостивее. Шорох обходил «дождж» сзади – неспешно, с достоинством победителя. Она опять задержала дыхание. Ожидание убивало её: глаза так и рвались открыться, увидеть подкрадывающегося монстра, но она полагала, что ничего хорошего ей это не принесёт. Поэтому через силу держала их закрытыми.

Теперь она чувствовала присутствие монстра в шаге от себя и слышала, как воздух со свистом вырывается из того, что заменяет ему лёгкие. Существо стояло у дверцы машины и смотрело на неё через стекло. От прокушенной губы выглянула капля крови. Шерил ощутила во рту солоноватый вкус.

Всё.

Мир осыпался звоном тысяч осколков, и в лицо ударили острые зубки стекляшек. Шерил вскрикнула – и открыла глаза. Не могла не открыть. И увидела через зияющую дыру, образовавшуюся на стекле окна, того, кто охотился в дождливой ночи.

В прошлый раз, когда Шерил приезжала в Тихий Холм, она столкнулась со многими ужасными созданиями, но *такого*, кажется, не видела. Оно и к лучшему – возможно, в противном случае она бы навсегда осталась в этом городе ещё два года назад. Существо исполинского роста, почти девять футов, покрытое склизлой влажной кожей и заострёнными жёлтыми когтями на лапах наклонилось над ней, буравя торжественным огнём красных глаз. Шерил успела заметить, что вместо ног у монстра нечто невразумительное, издающее чавканье при малейшем перемещении. Тварь выдохнула ей в лицо, окатив горячей струёй воздуха с ароматом гнилого мяса. Крик, зарождающийся в горле, зачах в этой отравленной смеси. Она закашлялась. Увидела, что монстр начинает махиваться лапищем с острыми, как бритва, когтями, чтобы нанести

заключительный удар, потом где-то в голове гулко ударил колокол, разом окунувший её в чернильные глубины бессознания. Шерил не успела осознать, что через секунду ей предстоит умереть, как снова попала во власть пустоты.

Глава 21

В темноте забрезжил свет, давая понять, что она жива. Наверное, свет знаменовал возвращение в реальность, но Шерил не хотела этого. Она желала и дальше оставаться в царстве безмолвия и темноты, и отчаянно сопротивлялась пробуждению, мотая головой из стороны в сторону. Но свет игриво мелькал во внутреннем взоре, мягко, но настойчиво советуя ей смириться и разлепить веки. В конце концов Шерил поняла, что никуда от этого не деться, и открыла глаза.

Она по-прежнему сидела в салоне «доджа», прикованная к сиденью. За окном – темнота. Лицо жгло огнём из-за впившихся осколков стекла. В какой-то мере жжение компенсировалось прохладным дуновением ветра с разбитого окна. Дождь перестал идти; более того, его, похоже, не было вовсе – чёрные лужи пропали с асфальта без следа.

Она не поверила, что монстр ушёл, не тронув её. Маячила в мозгу предательская уверенность: вот-вот она попробует пошевелить какой-либо частью тела... и обнаружит, что этой самой части более нет, монстр забрал её с собой.

Руки? На месте. Ноги? На месте. Может, тогда ухо? Или нос? Глаза?.. Всё целехонько, хоть и помято. Только через обстоятельную «ревизию» Шерил позволила себе прийти в уверенность, что она в полном здравии.

Почему... Она решительно пресекла попытку разума задать этот неизбежный вопрос. Какая разница, почему. Главное – она жива, но со временем всё может измениться. Если она будет сидеть и празднично размышлять, то рано или поздно снова услышит поднимающийся за лесом вой пожарных сирен.

Шерил стиснула зубы и рывком повела правым локтем вверх. Ничего. Ещё раз. Впечатление такое, будто она пытается сдвинуть гранитную стену. Но она

полагала, что лента есть лента, и при достаточно продолжительном воздействии она должна растянуться хотя бы самую малость. Ей этого хватит. Это была её единственная надежда.

По мере того, как мышцы наливались усталостью, и в глазах начало рябить, Шерил приходилось прилагать всё больше усилий, чтобы не сдаться. Локоть начала гудеть и неприятно покалывать, как блок трансформаторов на улицах, а лента на вид оставалась совершенно недвижимой. Она задерживала дыхание каждый раз над тем, как делать новые движения.

Раз. Два.

Пот катился ручьём, заливая глаза, щипая до слёз. Шерил, насколько могла, запрокинула голову и закрыла глаза, чтобы струи шли со лба вверх.

Раз. Два.

Бесполезно. Абсолютно бесполезно. Едва она начинала так думать, как в темноте со стороны озера чудилась нарастающая песнь сирен, заставляющая делать новый рывок.

Раз. Два.

Мышцы порвутся. Знаешь, они иногда рвутся. Отдохни минуту.

Раз. Два.

... показалось, или локоть задвигалась под лентой чуть свободнее? Шерил пошевелила правой рукой. Нет, не показалось. Лента растягивалась – медленно, но теряла железный захват.

– Да, – прошептала Шерил с хрипотцой. Должен был получиться ликующий крик, но на большее не хватило сил. Неважно. Главное, что если она не будет лениться, то скоро окажется свободной.

Сказать было легко. На деле всё вылилось в долгие полчаса мучений. Шерил всё-таки пришлось остановиться пару раз, чтобы перевести дух. Когда лента растянулась до требуемой длины, она почти не чувствовала правую руку – точнее, чувствовала так, будто по ней проехался укладчик асфальта. Высвободившись из кольца ленты, которое понуро повисло на подлокотнике, она с ужасом взглянула на совершенно белые, цвета бумаги, пальцы,

отказывающиеся ей подчиняться. Через несколько минут усердных тренировок чувствительность вернулась к кисти, усеяв тысячами мелких иголок. Шерил принялась разматывать ленту с левого подлокотника. Колин не пожалел ленты: слои, казалось, будут налагаться друг на друга бесконечно, но в конце концов обе руки снова стали принадлежать ей самой.

Шерил открыла покосившуюся от удара дверцу машины и выскочила наружу с облегчением пленника, спрыгивающего на обратную сторону тюремного забора. Ночь встретила её мерным шелестом листьев и пронзительными взглядами звёзд. Луны не было. Шерил боязливо обвела автомобиль взглядом, ожидая увидеть растерзанный труп Колина. Но ничего не было – лишь серый асфальт и крупинки стекла. Сам «додж» стоял криво, опав на левую сторону.

Ключ, подумала Шерил. Колин обронил в салоне ключ зажигания. Если машина заведётся, она может уехать. Неужели так просто?.. Она начала быстро обходить автомобиль, но на полпути стало ясно, что никуда она не уедет. Левая половина капота была безжалостно смята под ударами. Любому, кто хоть раз в жизни имел дело с автомобилями, стало бы ясно – «додж» теперь груда бесполезного железа. Переднее колесо спустило; разорванная шина чёрной тряпкой распласталась под голым диском.

Глаза Шерил зацепились за гротескно-круглое углубление на капоте. *Там оно вмазало его головой...*

Но где тогда кровь? Где тело и... где сам монстр?

Лёгкий вопрос, первый уровень сложности. Они остались там, на «обратной стороне», где хлещет ледяной дождь с градусом, и сирены не умолкают ни на минуту. Остались – но ещё могут прийти за ней...

Что делать? Шерил беспомощно огляделась. Позади десятки миль безлюдного леса. Нет надежд на случайные машины, которые её подберут. Впереди – пустой *(родной)*

город, который имеет привычку то и дело преобразаться.

Шерил вышла на дорогу, чувствуя, как уже продрогает под дуновением ночного бриза со стороны озера. Она-то думала, что будет сиднем сидеть в

салоне, и не позаботилась о тёплой одежде... Мэн есть Мэн. Если дело идёт так, то как она пройдёт обратный путь, умудрившись не превратиться в сосульку? Она посмотрела на дорогу, исчезающую в зловещей черной арке из деревьев, и отвернулась. Нет... Как бы ей ни хотелось уйти отсюда, дорога назад заказана.

Безвыходная ситуация. Шерил почувствовала неприятное kloкотание в груди, первый признак паники. Начинало приходиться осознание того, что она одна, совершенно одна вдали от всех, в городе призраков.

Спокойно, Шерил. Спокойно. Держи ритм дыхания. Она вскинула голову и подняла ворот блузки, чтобы защитить шею от холодных прикосновений ветра.

Хорошо, рассудительно сказала она себе, давайте подумаем над положением. Ситуация, конечно, не лучшая, но ещё есть шанс разрешить её благополучно. В Тихом Холме больше никто не живёт, но сие не означает, что в городе не найдётся хотя бы одного работающего телефона. Столбы есть, линии передачи исправны, аппарат наверняка где-то можно отыскать... что ещё нужно?

И тут же ехидный голос: *а если электричество по городу давно вырубил?*
Компаниям невыгодно изводить ток вхолостую, знаешь ли.

Такое могло быть. В нынешней ситуации она могла лишь надеяться, что судьба не окажется столь жестока. Впрочем, учитывая предыдущие выверты фортуны, надежды было мало. Но она была, значит, огонь ещё горел, и жизнь теплилась.

Шерил пошла вперёд, к туннелю, который казался гигантским разинутым ртом, поглощающим всех приезжих. Такая ассоциация возникла в голове ещё при первом визите, а уж теперь, когда вокруг была ночь, делая фантазии почти реальными... Шерил стоило немалых усилий сосредоточиться на асфальте под ногами и не смотреть вперёд, в эту бездонную глотку. Когда она ступила в туннель, вокруг потемнело, и дуновения ветра сошли на нет. Она отсчитывала шаги. Досчитала до двухсот сорока восьми, когда туннель наконец кончился и она вновь оказалась на свежем воздухе. До жилых кварталов было ещё рано, здесь пролегал полосу пустыри, огороженная проволочной сеткой. Вид навевал уныние, ещё больше подчёркивая безнадежность положения.

Колин, будь ты проклят. Шерил сжала губы. Ты затащил меня в переплёт, парень.

Ей показалось, что это длилось вечно – жуткая прогулка по нежилому участку под цокот своих собственных шагов. Дорога удлинялась и удлинялась, убегая от неё – как давешняя клейкая лента. Конечности немели под пробирающим ветром, вместе с ними все мысли и желания. Когда начался первый квартал города по Натан-авеню, у Шерил осталось одно затухающее желание – согреться. Спаситесь от мёрзлого воздуха и подмигивания звёзд над головой любой ценой. Когда в темноте выступил дом с крохотной усадьбой, Шерил без лишних раздумий свернула к нему. Судя по зияющим дырам на заборе, дом был заброшен уже давно, но линия электропередач исправно тянулась от ближайшего столба к стене дома. Может, найдётся и телефон...

Отворив калитку, которая душераздирающе скрипнула, Шерил вошла во двор. Посредине двора тёмной грудой лежал сломанный велосипед. В дальнем уголке стояла собачья будка. Хотя было понятно, что никого в этом покинутом обиталище нет, Шерил всё равно нервно покосилась на будку, ожидая, что оттуда выпрыгнет бешеный пёс, исходящий слюной. Усадьба оставалась тихой. Где-то на заднем фасаде ветер лениво лязгал о крышу обломком водопроводной трубы.

На дверь дома снаружи был прислонён тяжёлый железный брусок. Видимо, по разумению хозяина это заменяло замок. Шерил показалось странным, что владелец не опасается вандалов и оставляет двери распахнутыми на радость охотникам до чужого добра. Впрочем, по запущенности округа было понятно, что люди больше здесь жить не собираются.

Шерил подняла брусок и отбросила его в сторону. Дверь немедленно поддалась в её сторону, словно пустое помещение обрадовалось ночной гостье. Увидев густую мглу внутри, она сосредоточенно провела языком по нёбу. Вариантов нет, приходилось идти...

В доме стоял едва уловимый кислый запах, как от черствых фруктов. Шерил приходилось передвигаться почти на ощупь, благо большинство вещей хозяева унесли с собой и шанса наткнуться лбом было мало. Окна светились серыми

прямоугольниками. За ними танцевали под ветром молодые кусты, которые росли у переднего фасада.

Она в растерянности постояла в центре гостиной, чувствуя, как обрывается последняя надежда. Вся эта разруха и покинутость... она не думала, что всё настолько плохо.

Нет здесь телефона. И нигде нет.

Не верю. Шерил протянула руки перед собой, чтобы не удариться о стены, и отправилась делать обход. По углам, где скопилась пыль, было особенно темно. Мгла казалась почти осязаемой, давящей на руки и плечи субстанцией. Каждый раз, когда она подходила к углу, ей казалось, что вот-вот руки наткнутся там на что-то твёрдое, чуть упругое... может, мохнатое... Ничего там нет, строго говорила Шерил себе и в доказательство своих слов делала шаг вперёд, вступая в территорию мглы. На мгновение её охватывала паника, душило ощущение утопления в тягучей жидкости, но когда это проходило, оставался только горький вывод: телефона здесь нет.

Наконец, она нашла его... не телефон, а место, где раньше стоял аппарат – небольшую лакированную полочку, приделанную к стене, с круглым пяточком розетки несколькими дюймами выше. Трясущимися руками она провела по пустой полке, но нашарила лишь извилины вспучин и трещин на гладком лаке. Конечно же, ведь иначе не могло быть – хозяева увезли аппарат с собой. На что она только надеялась?

Может, в другом доме... Надежда умерла, не родившись, стоило Шерил вспомнить длинную улицу, погружённую во мрак. В городе не было электричества, не было много месяцев, с тех пор как его покинул последний человек. Тихий Холм надёжно отстранился от большого мира, уйдя в свои беспокойные сны.

Захотелось бежать – вырваться из этого молчаливого дома, бежать обратно по пустыри туда, где город теряет власть и дорога углубляется в лесные дебри Мэна. Куда угодно, только не стоять на месте... потому что оставаться на месте значит сдаться. В какой-то момент Шерил почти сделала это, невзирая на опасности

ночного леса, но потом взгляд бросился на приоткрытую дверь, которая вела в спальню. Над дверью висело серебристое распятие, склонившееся набок. Крест, казалось, изливал в темноту тусклый белый свет. При взгляде на него Шерил вдруг поняла, что остатка сил не хватит даже на то, чтобы добраться обратно до обозреваемой площадки. Все волнения, переживания и страхи этого вечера не прошли даром – они накопились и разом навалились на неё беспощадным приступом сонливости. Шерил почувствовала, что она совершенно разбита. А дверь спальни была приветливо открыта, и крест над ней обещал, что с нею будет всё в порядке, в дом не ворвутся никакие чудовища... что она под защитой Господа, как и всё живое на земле.

Я должна уйти, слабо воспротивилась Шерил, но слабеющие ноги сделали свой выбор и направились в спальню. Ветер за стенами усилился. Труба, бьющаяся о стену, звучала гулко, как церковный колокол.

Уйти...

Поспать. Всего лишь поспать на часок-другой.

Это всё город. Он не хочет отпускать меня. Не дай ему добиться своего...

Послушай, сейчас темно, и ветрено... до Плезант Ривера двадцать миль. Нужно хотя бы набраться сил...

Голоса ещё спорили. Шерил уже знала исход этого противостояния. Войдя в спальню, она увидела голый остов металлической кровати под окном. Слава богу, с этой стороны дома кусты не росли, и жуткого танца за стеклом не было. Засыпая на ходу, она сделала три шага и упала, как подкошенная, на жёсткую подложку.

Всего лишь поспать... Она с наслаждением растянулась во всю длину, забравшись на кровать с ногами. Сон накрывал разум удивительно быстро – перед глазами уже мелькали разноцветные образы, размывающие границы реальности. Солнечный день, и синее небо, и зелёный горный пейзаж. Она с Колином, наблюдающая за затмением. Безвозвратно разрушенная идиллия, и сейчас, уходя в сон, Шерил ясно поняла, что её счастье было обречено на крах. Темнота тянется к темноте, не так ли?.. Конечно – вот почему для неё не нашлось

другого спутника, кроме как Колин. Вот почему они так впились глазами друг в друга в тот самый момент, как увиделись впервые. Они узнали родственную душу.

Шерил сложила руки на груди. Дыхание стало медленным и размеренным, и когда где-то далеко снова подали голос сирены, она лишь вяло улыбнулась – вымученно и умиротворённо.

Темнота тянется к темноте...

Чьи-то мягкие шаги в гостиной. Они приближались, нерешительно остановились у порога спальни. Глаза наблюдателя едва заметно блестели во мгле.

... и обе они тянутся к средоточию тьмы. Имя ему – Тихий Холм.

Тишина...

Темнота.

Глава 22

А утро стало снежным.

Шерил почувствовала это до того, как открыла глаза – по удивительно чистому, с привкусом льдинок воздуху, который сменил удушающие пальцы ночи. Свежесть касалась щёк, шеи, рук – именно свежесть, а не мороз, от которого пробирает озноб. Она открыла слипшиеся веки, готовая к чуду. И не разочаровалась: за ночь мир преобразился, надев самое прекрасное из одеяний.

За окном шёл снег.

Шерил поначалу даже перестала дышать, зачарованная великолепным зрелищем. Тонкие, чуть различимые облака загоразживали небо, сбрасывая на город бесчисленные комочки зимы. Ветра не было, он достаточно разбушевался за долгую ночь и теперь притих, предоставив снежинкам право кружиться в самостоятельном танце. Вот одна из них мягко опустилась на стекло окна и тут же растаяла, не оставив после себя ничего – даже каплю воды. Но её судьба не смутила тысячу её сородичей.

Шерил поднялась с кровати, не обращая внимания на хрустнувшие суставы. Всё её существо тянулось наружу, где нет хмурого ската крыши, отгораживающего её от тёплого снега. Словно во сне, она прошествовала через дом (всего лишь обычный пустой дом, и никаких ужасов, мерещившихся прошлой ночью) и распахнула дверь, впуская зиму.

Дымка лежала на дворе, обесцвечивая предметы, примешивая к ним свой белесый цвет. Казалось бы, странное сочетание – туман и снег, но удивительным образом они нисколько не мешали друг другу, а наоборот, взаимодополнялись, подчёркивая окружающую гармонию. Зелень травы, оваянная наступающей желтизной, покорно прильнула к земле, но даже она, казалось, радовалась неожиданному приходу зимы.

Шерил подняла ладони, подставив их под снежинки. В момент их прикосновения с кожей она ощущала приятную щекочущую прохладу. Снежинки таяли, и прохлада сменялась теплотой. Хотя снег шёл не первый час, под ногами не было дорожки из белого слоя. Снег не был обычным снегом.

Шерил вышла из приютившего её двора, открыв скрипучую калитку. Улица светилась изнутри матовым сиянием – ряды заброшенных домов в этом свете не казались безжизненными и устрашающими. Снег преображал всё, внося в серый мир частичку волшебного, доброго, неподвластного тёмным чарам. На губах Шерил появилась слабая улыбка. Она пошла по тесному проулку между домами в туман, который не скрывал опасности, а просто делал мир светлее.

Сделав несколько шагов, она увидела, как на асфальте под ногами появилось что-то ещё. Чья-то неуверенная рука расчертила мелом большую розовую стрелку, указывающую вперёд. Кто-то призывал Шерил продолжать путь, и она ни на мгновение не засомневалась в том, что этот «кто-то» ей не опасен. Тот, кто наслал на Тихий Холм этот тёплый снегопад, не мог таить зло. Просто не мог. Шерил пошла дальше, покоровшись воле рисунка на асфальте.

Через квартал появились скрюченные фонарные столбы, обступающие дорогу. Улица стала шире, а дома – наряднее. Какой-то из многочисленных внутренних голосов заикнулся о телефоне, который наверняка есть в этих домах, но Шерил

не замедлила шаги. Она попала под волшебство этого варианта родного города, который манил её вперёд, давая крылья какой-то безумной, но чистой надежды.

На пересечении двух улиц она увидела признак, что она всё ещё на верном пути... ещё одна стрелка, на этот раз сделанная голубым мелком. Стрелка была чуть меньше, чем первая, зато рука, выводившая её на асфальте, стала куда увереннее. По-прежнему вперёд, вдоль берега озера.

По этой части города Шерил уже имела удовольствие прогуливаться пешком. По Натан-авеню пролегал её путь от мотеля до госпиталя... но, ей-богу, как будто это было в другой жизни. Места те же самые, обветшавшие ещё больше, но ощущения от повторной прогулки не шли ни в какое сравнение с первым визитом. Что Шерил запомнилось с того раза – страх, неуверенность, чувство, что за ней кто-то неотрывно следит из глубин тумана... Ещё она подумала: солнца в этом городе никогда не будет. Никогда. Теперь она не была в этом уверена. Туман и угнетающие виды остались, но неуверенность сменила радость – беспричинная, детская, в чём-то шаловливая. Шерил знала, что этим утром туман не имеет глаз, которые взирали бы на её спину с ненавистью.

Вот в чём дело. Шерил даже остановилась, чтобы как следует разжевать мысль. В Тихом Холме сегодня не было *злости*. Он принял её с радостью, как долгожданную гостью. И свободно впустил в свои владения.

Но... почему?

Ответ был там, далеко в молочной завесе, и Шерил твёрдо вознамерилась до него дойти. Очередная стрелка на асфальте лишь подкрепила его уверенность. Рядом со стрелкой художник дорисовал четырехконечную звезду. Снежинки внутри рисунков не таяли; упав, они оставались лежать, как есть. Внутри звезды уже вырос миниатюрный сугроб. Шерил улыбнулась и наступила на белоснежный холм, слушая мягкое похрустывание снега.

С тех пор, как она вошла в город, снег стал гуще; порой Шерил казалось, что она идёт, прорываясь сквозь артобстрел из крохотных бомбочек, взрывающихся зарядом прохлады. Она прошла мимо парка Розовой Воды, врата которого были закрыты на замок, миновала пересечение с Кэрролл-стрит (только закрой глаза,

и увидишь за туманом озорное перемигивание огней «Небесной ночи»), потом была череда рекламных щитов с плакатами, давно потерявшими актуальность, и ничто не вселило в неё беспокойство. Она одна в городе, всего тут. Ничего необычного. Ничего страшного. Всё так, как она хотела... даже лучше. В своих потаённых снах Шерил не видела этот волшебный снег.

Очередная стрелка сопровождалась корявым рисунком голубой кометы с длинным хвостом. Всё вперёд и вперёд. Шерил поняла, куда её ведёт невидимый указчик, и в голове ожил ещё один давно мёртвый голос:

Отправляйся на северо-запад по Натан-авеню... Достаточно далеко, но, думаю, немного ближе, нежели до неба. И фальшивая улыбка.

Шерил замедлила шаги. В последний раз захлестнул острый приступ желания уйти, повернуться назад и шагать туда, где начинается лес, и в этот миг тёплый снегопад внезапно стал жестоким, хлестнув её по лицу острыми краями снежинок. Шерил замерла посреди дороги на полушаге, качнулась назад... потом всё-таки упрямо пошла вперёд, в сторону, указуемую стрелкой. Это был её выбор – она с горьким чувством утери почувствовала, что больше ничего не изменить. Ей придётся пройти эту дорогу до конца. Жребий брошен... Шерил возвращалась к туда, где два года назад закончилось всё.

Глава 23

Внешне церковь ничем не изменилась. В увядшем городе она одна сохраняла былой лоск. Золочёный крест на куполе сиял начищенным блеском – он слепил глаза, несмотря на пасмурную погоду. Впрочем, на правом перекрестье острый взгляд мог различить нечто, повисшее у самого края – то ли моток верёвки, то ли хвост воздушного змея.

Шерил осторожно встала на первую ступеньку лестницы, ведущей наверх, к большим двустворчатым дверям. Она проходила через эту дверь лишь раз, и то в обратном направлении, когда возвращалась в парк к раненому Дугласу. *Всё кончено*, тогда думала она, но время показало, что она ошибалась.

Перед тем, как открыть дверь, Шерил на секунду зажмурилась, увидев под веками картину прошлых дней – женщину с длинными волосами цвета меди, которая молилась у алтаря, высокую разноцветную мозаику и картины маслом, висящие на стенах. Но более всего ей запомнился оранжевый свет хрустальных люстр. Сейчас она толкнёт дверь, и время пойдёт вспять, вернув всё на прежние места – Клаудия у алтаря, и картины, и чёрный орган, примостившийся слева. А сама она вновь превратится в девушку в грязной изорванной одежде, которая прерывисто дышит, наставляя пистолет на ненавистную жрицу.

Она открыла дверь. Белый свет улицы проник внутрь, открывая взору просторную залу. Мозаика на стене напротив заискрилась, наполнилась жизнью в этом свете, но она, пожалуй, была единственной, кто ещё мог радоваться гостю. Шерил растерянно обвела взглядом пыльные ряды кресел, потемневшие углы и голые стены. Хрустальные люстры давно сняли, как и религиозные картины. Пыль лежала на полу толстым слоем; часть её поднялась на воздух от дуновения ветра, защекодав ноздри.

Зернистый свет делал вещи зыбкими. Шерил отчаянно ждала, когда всё начнёт меняться, оживляя её воспоминания. Но нет – церковь оставалась такой же покинутой и затхлой, как была. Кресла были всего лишь креслами, вырубленными из крашеного дерева, мозаика – слепленным из осколков стекла узором. Вера ушла из этих мест навсегда вместе с умерщвлённым Богом и хранившими её людьми. Шерил вдруг захотелось расплакаться, хотя её цель изначально была именно такой – узреть это собственными глазами. Да, она была права... ей тут больше делать нечего, она лишняя в этом усыхающем интерьере. События той ночи погибли без права возврата. Под крышкой гроба не похороненный заживо, а настоящий труп, который со временем разложится, потом и вовсе превратится в пыль.

Несправедливо.

Эта мысль пришла в голову первой. Шерил поняла, что так оно и есть. Да, чёрт возьми, как это несправедливо – понять, что ты одна, для кого ещё имеет значение, что происходило под покровами этих стен; то, в чём невыносимым

клубком сплелись ненависть, страх, ужас, любовь, месть. Она два года изо всех сил жаждала это забыть. Рано или поздно ей это удастся – тогда всё кончится на самом деле...

Шерил повернулась, стоя на месте. Кто бы ни вёл его сюда, своей цели он добился – она была в смятении, беспокойстве и неясном желании что-то сделать как можно быстрее. Знать бы ещё, что...

Она вышла обратно на крыльцо и подняла лицо навстречу падающим с неба снежинкам, ощущая их прохладу. Штиль сменился лёгкими дуновениями ветра, и снег падал плавными кругами, подобно вихрю.

Куда теперь? Она огляделась в надежде увидеть ещё какие-то стрелки, но ничего не нашла. Путь кончился... она свободна?

Шерил не поверила, более того – не хотела верить такому исходу. Пусть она приехала город с целью убедиться в напрасности своих страхов... но тогда она ничего не знала. Не знала об этом неслышимом снегопаде, о разноцветных стрелках, нанесённых чьими-то неумелыми руками. Она хотела видеть того, который был в пустом городе вместе с ней, скрыто следил за ней с того самого мига, когда она пересекла границу, обозначенную щитом у дороги. Она хотела спросить у него, что делать. Но пелена снега оставалась плотной, не желающей размыкать белые уста.

Шерил сошла вниз, на площадку перед церковью. Стрелка, указывающая вперёд, теперь показывала назад, к дверям, из которых она только что вышла. Она своё отслужила.

Медленно, медленно Шерил пошла вперёд – туда, где громоздились металлические коробки гаражей и складов. Она не хотела идти назад по пройденной дороге. Пусть так, чем возвращаться...

И была за это вознаграждена.

Не доходя до первого гаража несколько сотен футов, она заметила ещё один начертанный на асфальте рисунок. Голубой и розовый мелки смешались, выводя простенькие неровные квадраты с вписанными в них числами. Они лентой

тянулись по улице, отсчитывая «классы», знакомые всем малышам – с первого по десятый.

Шерил остановилась. Сердце снова забилось быстрее. Кто бы это ни рисовал, это был знак для неё. Или, может, приглашение?.. Приглашение ещё раз вернуться в детство и забыть о проблемах, которые за последние дни давят плечи непосильным грузом?

Почему бы не попробовать?..

Она встала у кромки первого квадрата, согнув в колене левую ногу. Посмотрела на корявую единицу и сделала прыжок, глубоко вдохнув. Боялась, что пересечёт одну из меловых линий, и за это её «оставят» на второй год, но этого не случилось – она легко и без особых усилий приземлилась ровнехонько в центре розового квадрата.

– Раз, – выдохнула она, и изо рта вырвался клубок пара, тут же рассеявшийся в воздухе. Шерил вдруг осознала, что это первое слово, произнесённое ею за это снежное утро.

– Два, – на этот раз прыжок был увереннее, и двойка исчезла под подошвой сапожка. На губах заиграла озорная улыбка.

– Три!

– Четыре!

– Пять! – ликующий крик, словно за ней наблюдает толпа восхищённых зрителей. Зрителей не было, но какая разница?.. Давно это было – когда Хизер сама чертила такие классики на площадке их дома и усердно «проходила» все классы. Первая половина, до пятёрки – пустяки... но дальше уже начинает сказываться усталость, и нога сама собой «уплывает» в сторонку.

Так и вышло. Уже на шестом квадрате Шерил едва не коснулась краем носка голубой линии. Будь рядом строгая судья-подружка, она бы немедленно вернула её к началу. Но судии не было. Грех этим не воспользоваться.

– Шесть, – она вспотела, несмотря на прохладу, но уже не могла остановиться. Время отдыха придёт там, после десятого квадрата, самого кривого, самого узкого. А пока...

– Семь.

– Восемь, – Шерил едва не засмеялась, когда с размаху опустилась на середину линии, нарушая все мыслимые правила. Всё-таки есть в одиночестве свои прелести.

Последние два прыжка она хотела сделать по правилам, без мухлеза. Всего два квадрата, и она на десятке. Шерил закусил губу, прицеливаясь на середину девятки – туда, где петля сходилась с хвостиком.

– Девять!

Получилось. На этот раз – получилось. Шерил мысленно поздравила себя, но тут же вспомнила о последней вехе, быть может, самой важной, но уж то, что самой трудной – это было видно невооружённым глазом. Даже при самом точном прыжке нога вряд ли уместится в этой узкой области, ограниченной розовым мелком. Вобрав в грудь воздуха, Шерил оттолкнулась от асфальта и вознеслась вверх.

– Десять!

Прыжок вышел неуклюжим; стопа пустила заряд боли, когда она приземлилась. Шерил всё ещё смотрела перед собой, и глаза запорошивал снег, который стал ещё гуще и облегал её белыми хлопьями. Снежинки перестали таять. Она не знала, к добру это или к худу. Впрочем, сейчас был важнее результат последнего прыжка. Смогла она пройти все классы, или она будет отброшена к самому началу? Нужно было всего лишь посмотреть вниз.

Но не успела Шерил этого сделать, как кто-то сзади мрачно констатировал:

– Ты оступилась.

Глава 24

Не веря глазам, она взглянула на розовый квадрат под подошвой. Линия проходила как раз под ногой, рассечённая надвое носком сапожка. Проигрыш на последней стадии, самый обидный из всех возможных вариантов. Иначе и не могло быть...

Шерил оглянулась на знакомый, давно забытый голос.

Девушка стояла под армией снега, игриво улыбаясь, и наблюдала за ней, за растерянным выражением её лица. Чёрные локоны были аккуратно уложены, и синяя школьная форма сидела как влитая. Шерил автоматически отметила, что она ей очень идёт. Больше никакие мысли не приходили.

– Привет, – сказала Алесса, не дождавшись приветствия.

– Привет, – отстранённо отозвалась Шерил. Поняв, что она до сих пор стоит с поднятой ногой, опустила её на асфальт и уже почувствовала себя не такой потерянной.

Алесса кивнула на классики:

– Можешь попробовать ещё раз. Уверена, у тебя на этот раз всё выйдет как надо.

– Думаю, не стоит.

Они молчали ещё несколько минут, жадно изучая друг друга, потом Алесса сделала шаг к ней, несмело и осторожно:

– Я знала, что ты придёшь.

– Откуда? – удивилась Шерил.

Она лишь молча улыбнулась. Теперь, когда Алесса стояла близко, Шерил возвышалась на дней почти на четверть фута. Приходилось наклонять голову, чтобы видеть её лицо. На щеке Алессы уютно осели несколько снежинок.

Как-то неправильно это, подумала Шерил. *Старшая она, а не я.*

– Ну и... – Алесса пожала плечами. – Как жизнь? Там, за городом?

– Нормально, – сказала Шерил, но тут же спохватилась: какое «нормально»? Единственный дорогой ему человек под землёй, где рядом лежат тысячи тысяч подобных ему, а тот, кто мог отдать ей любовь, на поверку оказался безумцем. Нормально, да.

– Кажется, я соврала, – хмуро добавила она. – Жизнь как-то не очень.

Алесса снова кивнула:

– Я понимаю.

Ты хотела сказать «я знаю». Шерил с любопытством взглянула в чёрные глаза, кажущиеся бездонными. Кому, как не тебе, знать, что единожды разделённые половинки будут тянуться друг к другу, невзирая ни на что. И у обеих жизнь обречена быть «как-то не очень».

Наверное, два года или даже год назад эта мысль вызвала бы в нём неприязнь к этой девушке. Или даже ненависть. Но не сейчас.

– А у тебя? – неожиданно спросила она. Гряда снежинок на секунду всколыхнулась, словно под напором урагана. Алесса сжала губы:

– Всё хорошо. Бога больше нет, культ ушёл, люди тоже уехали... я одна. Как всегда и хотела.

Едва умолкнув, она поспешно добавила:

– Но всё-таки я ждала тебя.

Я тоже, чуть не вырвалось у Шерил. Ждала все два года, или даже больше – все девятнадцать лет, что она провела под солнцем. Два года назад они могли бы точно так же встретиться, поговорить... но тогда в её сердце кипела жажда мести, справленная ненавистью, и эта гремучая смесь глушила все чувства.

Но Алесса тогда тоже вела себя не лучшим образом. В стремлении избавиться от боли, которую принесёт с собой рождение Бога, она почти обезумела. И, едва завидевшись, обе вцепились друг в друга, как спущенные с цепей собаки, закружившись в бешеном танце. Они упустили из виду самое главное...

... что они сёстры. Что каждая из них не обойдётся без другой.

Теперь это казалось насколько ясным, что прошлые стычки выглядели почти смешными. На губах Алессы была то появляющаяся, то исчезающая улыбка.

А помнишь, как мы...

Помнишь, как я тебя... на карусели...

Да, бывало...

Шерил рассмеялась. Мгновением позже к ней присоединилась Алесса. Их смех сделал это снежное утро ещё чище и свежее, убрал последние преграды, неосознанное неудобство, делающее разговор неуклюжим. Обе почувствовали, как спустя долгие годы они снова стали вместе.

– Так это ты рисовала? – спросила Шерил, когда смех умолк. Алесса посмотрела на намалёванные на асфальте классики с гордостью и некоторой застенчивостью:

– Да, я. Хотела, чтобы ты немного прогулялась, развеялась... забыла прошлые обиды. Вообще-то, рисовать я умею только немыслимые каракули, так что вот...

– Ничего страшного, – заверила Шерил. – Я тоже недалеко от тебя ушла.

Она вспомнила незабвенную «Галерею художественная искусства» с её ужасными полотнищами и мысленно усмехнулась. Наверняка нашлись бы люди, которые дали за наивные картины Алессы целое состояние. У неё всегда был вкус в рисунках, пусть и специфический.

– Ты изменилась, – тихо сказала Алесса после паузы. Говорила совершенно искренне, глядя на Шерил снизу вверх с обожанием и любовью. Снежинки почти полностью облепили её волосы, и Шерил поняла, что сейчас сама она такая же снежно-седая.

Говорить правду было легко:

– Ты тоже изменилась.

– Чему уж тут меняться, – она посмотрела по сторонам. – Тут всё, как прежде. Изменилось очень мало... Думаю, ты знаешь, почему Тихий Холм не любит перемены.

Да?.. А где тогда темнота, день и ночь висящая здесь? Где монстры? Где кровавые решетки и распятые тела? Ладно тебе, Алесса. Признай, что ты тоже не та, что прежде.

– Но всё-таки ты изменилась, – упрямо повторила Шерил. Алесса покорно опустила взгляд:

– Может быть.

Вспомнив про темноту, Шерил невольно подумала о Колине, о криках, когда его заживо пожирала тварь из дождя. Да уж, перемены переменами, а кое-что всё-таки осталось по-старому...

Наверное, Алесса увидела изменение выражения её лица... или просто прочитала мысли? Во всяком случае, истолковала она всё совершенно правильно, и тут же насупилась:

– Это была крайняя мера. Я просто не могла иначе... Он бы тебя убил.

– Понимаю, – кивнула Шерил. Хотела сменить тему, но Алесса невозмутимо продолжала:

– Я оставила его во тьме, там. Немного поработала над его обликом... Хочешь, покажу?

– Нет-нет, – содрогнулась Шерил.

Но теперь, раз уж речь зашла о тьме, ей хотелось задать один вопрос. Всего один вопрос...

– А сколько их там... во тьме?

– Один, – сказала Алесса. – Он один.

– А остальные? – Шерил думала об окровавленной медсестре, приколотой под лестницей госпиталя.

– Остальных нет, – сказала Алесса. – Их я простила. Может, ты тоже когда-нибудь захочешь простить его. В-общем, это как-то уже твоё дело.

– Моё? – голос дрогнул. Она растерянно оглянулась, выискивая в этом туманном мире подтверждение того, что она тоже стала его частью.

– Твоё, – подтвердила Алесса. – Ты ведь вернулась сюда надолго... или я ошибаюсь?

Шерил взглянула в чёрные умоляющие глаза и поняла: да, надолго. Может, даже навсегда. Она поняла это в момент затмения, когда мир прекратил вращаться вокруг оси и настала тишина, оставившая её одну с собой. Да только не желала в этом себе признаться... Даже сейчас какая-то часть разума воспротивилась простому выводу, зашлась криком, забарабанила по черепу изнутри. *Ты не посмеешь, слышишь – ты не посмеешь!*

Я посмею, сказала Шерил самой себе. *Я посмею, потому что выбора у меня нет.* Там, за пределами города, не было ничего, что её удерживало бы в большом

мире. Только кучка знакомых, и ещё счёт на сорок пять тысяч долларов в калифорнийском банке. Родной город мог дать ей гораздо больше.

Например, черноволосую сестру, которая терпеливо ждала её ответа, ничем не выказывая рвущее её на клочки волнение.

– Да, – ответила Шерил, нарушив это затянувшееся молчание, подводя черту под всем, что было в прошлой жизни. – Надолго.

И, словно город облегчённо выдохнул в едином порыве, всё вокруг пришло в движение: туман, клубящийся в прозрачном воздухе, снег, за время её раздумий повисший между небом и землёй, даже дома, в которых никто не жил. Всё оживило, потянулось к ней в безмолвной благодарности, признало в ней свою хозяйку. Тихий Холм после стольких бесцельных лет снова стал её городом.

Алесса улыбнулась удивительной, лучистой улыбкой, которая, Шерил была убеждена, никогда раньше не появлялась на её лице. Но она должна была спросить, и она спросила:

– Ты уверена? Если тебе так будет лучше, то уходи. Я хочу, чтобы ты была счастлива...

Шерил знала, о чём Алесса хотела её предупредить – Тихий Холм, в сущности, должен был стать для них обоих не чем иным, как темницей, пределы которых они не имели права покинуть. Впрочем, она ещё могла тешить себя иллюзией того, что может уйти из города при первом же желании... в отличие от Алессы, чьё пребывание в этом тихом, слишком тихом обиталище духов длилось не первый десяток лет.

Но я всё равно с детства жила в ограждении от всего мира, подумала она. И сейчас живу так же, потому что иначе уже не могу. А здесь... здесь я хотя бы смогу быть счастлива.

Она слишком долго была несчастлива, чтобы оттолкнуть это просто так.

Ты уверена?

– Да, – вслух сказала Шерил. Опустив глаза, увидела, что правый сапожок касается розовой линии десятого квадрата.

Все «классы» позади... я закончила этот путь.

– Я рада, – сказала Алесса, подходя к ней вплотную и протягивая руку. Шерил долю секунды видела через худую ладонь девушки розовую линию на асфальте, но когда кисть коснулась её руки, она уже была тёплой и осязаемой. Настоящей.

Неужели я тоже такая? Отголосок страха растворился в молочном тумане, как дым. Пусть, пусть она уже такая... главное, что нет больше преград, и они вместе. Шерил бережно сжала руку Алессы. Они пошли вдоль пустой улицы вперёд, туда, где высился маяк на озере и начинался Старый Тихий Холм с заснеженными улицами.

– Ознакомишь меня с городом? – спросила Шерил. – Признаться, я до сих пор не имею ни малейшего понятия, что здесь где.

– Конечно, – Алесса кивнула, стряхивая снежинки с воротника. – Думаю, лучше начать с моего... с нашего дома. Ты не была там?

– Не была, – призналась Шерил.

– Детская комната хорошо сохранилась, я постаралась... Да и вообще весь дом крепко стоит. Я обычно провожу время там, у себя. Знаешь, несмотря на всё прошлое, мне там как-то уютно. Осмотришься – может, тоже решишь обосноваться там...

– Да, – сказала Шерил, – думаю, это будет неплохое начало.

Они пошли дальше, не отпуская ладоней друг друга, не оглядываясь назад. Снег уже валил во всю мощь, и вскоре рисунки на асфальте исчезли под белой шалью, бесшумно покрывающей Тихий Холм.

Глава 25

Проходит год, потом другой, потом ещё... Они сменяются иногда быстро, иногда медленно, неотвратимо несут мир вперёд, меняя его облик, оставляя позади прошлые дни. И сегодняшние города порой совершенно не те, что были вчера.

Впрочем, есть один город, над которым время не властно. Он стоит в отдалении от всех остальных, спрятавшись за грядой леса, закутавшись в густой

белый туман. Время бежит мимо него, обходя стороной, лишь слегка задевая город краешками крыльев. Тогда город вздрагивает, выплывая из дремоты – в такие моменты кое-где обваливается обветшавшая крыша или крошится стекло окна под морозом. Город снова уходит в беспокойный сон, ничего не говоря, ничем не выказав своё недовольство.

Иногда в городе появляются люди. Обычно они приходят в одиночестве и исчезают в белесом тумане, боязливо оглядываясь. В их глазах горит искра безумной надежды. Большинство людей не возвращается из странного тумана, навсегда теряясь в молчаливых кварталах и тёмных катакомбах. Те, кто возвращаются, выглядят совсем иначе, чем когда входили в город. Они уже не смотрят по сторонам – идут спокойно, глядя вперёд, и зрачки уже не хранят тот таинственный свет, что прежде. Люди уходят из Тихого Холма, чтобы никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не рассказывать то, что они пережили в этом городе. Они не рассказывают, каких невообразимых существ таит в себе туман, не рассказывают об ужасе, который живёт в этом сонном городишке. Они не рассказывают, как им им казалось, что там, в глубинах тумана, они слышат далёкий цокот чьих-то шагов – цок-цок, цок-цок, ровно две пары ног, – и звонкий девичий смех. Но только они пытались прислушаться, как звуки становились тише и исчезали вовсе, превратившись в плеск волн озера Толука.

Хотя, может быть, это им только казалось...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эту повесть с полным правом можно назвать навеянной серией альбомов **Broken Notes**, которая, в свою очередь, навеяна творчеством Акиры Ямаоки, небезызвестного поклонникам **Silent Hill**. У меня (как, наверное, у многих других) сложилась привычка во время прослушивания любимой музыки невольно складывать в голове различные образы – чем больше нравится музыка, тем картины красочнее. Из скопления таких образов и вытекла повесть.

Кладкой, основой всего, послужили композиции **Return to Sanity** и **Life Eclipsed** из альбома **Broken Notes Melancholy**, а также трек **Crimson Paintings** из альбома **Broken Notes Intermission Volume 2**. Пожалуй, самое большое влияние на повесть оказала первая композиция – с самого начала в голове возникла яркая картина пустынной, заброшенной церкви и длинного ряда пыльных кресел. Затмевая интерьер, из широко распахнутой двустворчатой дверцы льётся зернистый молочный свет. Посреди этого почти небесного сияния в проёме двери стоит Хизер, немного повзрослевшая, но всё та же самая. В глазах у неё удивление, грусть, тоска по безвозвратно ушедшим временам и – самое главное – радость. Она вернулась в родной город, как ей и было предписано... Вся картина излучает смирение и умиротворение.

В отличие от этого, **Life Eclipsed** создала мысленный образ не сразу. Скорее, она взяла особым настроением, которое неизменно появлялось при прослушивании – настроением позднелетнего дня, синего неба и идиллического горного пейзажа, нарушаемое надвигающейся темнотой. Коричневое закопчённое стекло – сквозь него желтеет тусклый диск солнца, постепенно приобретающий ущерб с правого края. Затмение жизни, момент истины... Если человек и должен принять переломное решение, то именно в этот миг – миг тишины.

Crimson Paintings – композиция спокойная, создающая тоже вполне чёткую картину, почти как мини-фильм. Сначала – серый шероховатый асфальт, на котором видны детские классики, нарисованные голубым и розовым мелками. Потом камера смещается вверх, и в обзор попадает хмурое небо, низвергающее мириады свежих снежинок, которые тихо заметают город. И посреди снегопада, над нарисованными классиками, стоят Хизер и Алесса. Просто стоят и негромко разговаривают – не кричат друг на друга, не пытаются убить. Кажется, на губах обеих девушек играет светлая улыбка. И заключительный кадр: снежинки, застревающие в волосах Хизер, придавая им непыльную седину.

Каркас был именно таким. Всё остальное – лишь интермедия между ключевыми образами, мостик, перекинутый с одного хребта на другой. Зачем я написал это послесловие – затем, что хочу вас попросить: послушайте как-нибудь эту музыку. Если повесть вам понравилась, то композиции послужат интересным дополнением. А если вам моё творение не понравилось, то, я надеюсь, первоисточники передадут желаемое настроение лучше, чем это смог сделать я.

Спасибо вам.

Георгий Старков

с. Соттинцы – г. Якутск

19 августа 2006 г. – 8 октября 2006 г.